

О веселье 1934—1938-х годов, «номерных» собаках, начальной школе, предвоенных грибах и эвакуации в Омск

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1561>

4 апреля 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 4 апреля 2013 и опубликована 26 февраля 2014.

Введение

Во второй беседе «легенда отечественной географии» Борис Борисович Родоман вспоминает свое довоенное детство, начало войны и эвакуацию. Уникальность воспоминаний ученого заключается в невероятной цепкости его детской познающей мир памяти и мельчайшей точности в деталях. Искусственный и преимущественно книжный мир, в котором пребывал ребенок, не знавший дворовых игр и забав, способствовал раннему развитию его аналитических способностей и вызвал острую жажду все новых познаний, близких к научным. Его детство — редкий пример самопознающей и саморазвивающейся личности. Родоман вспоминает свое детство во всех бытовых подробностях и при этом описывает интенсивную внутреннюю жизнь, которую проживал десятилетний ребенок, глотавший без разбору книги и школьные учебники; интеллигентный мальчик, брезговавший своими сверстниками-мальчишками и их манерой общения; одинокий ум, придумавший себе целое царство, в котором был он и повелителем, и волшебником и в которое он помещал все то, что нравилось ему в окружавшей его жизни.

Учеба в школе № 268

Юрий Вадимович Самодуров: Борис Борисович, в прошлый раз вы рассказали о своем детстве, об атмосфере жизни до поступления в школу. Сегодня начинаем с поступления в школу и будем двигаться хронологически вперед.

Борис Борисович Родоман: В прошлый раз мы закончили на том, что мы с мамой едем в мягком вагоне в Москву из Крыма, из Феодосии, где останавливались в гостях у моего дяди, ревизора вагонных весов. Какой-то писатель там с нами едет, меня привечает, по головке гладит. Отец давно уже отбыл в Москву на работу, а мама у меня домашняя хозяйка. Мы приехали в Москву, и я пошел в школу. Это было в начале октября. Дело в том, что в моей жизни фактически никогда не было этого знаменитого Первого сентября. Мы задержались там, и я пришел уже как новичок в класс. Но это не значит, что в классе я в качестве новичка как-то выделялся и от этого что-то было для меня плохо. Я поступил в 268-ю школу, которая находилась на 1-й Мещанской, ныне проспект Мира, напротив Ботанического сада МГУ, на левой стороне. С виду это был большой многоквартирный доходный дом. Что там было до школы, не знаю, и сейчас там школы нет. А я жил в доме 47, как раз посередине 1-й Мещанской, которая тянулась от Садового кольца до Крестовской заставы, около Капельского переулка. Красивый шестиэтажный доходный дом с высокими этажами. Мы жили на третьем этаже, а по нынешним масштабам это на высоте пятого. Путь мой в школу был метров пятьсот-шестьсот, но по дороге были две улицы, которые надо было переходить, с автомобильным движением. Конечно, то автомобильное движение никак не идет в сравнение с нынешним, но в школу меня водили, может быть в первый класс, все время. Но, возможно, во второй класс я уже ходил один. Ну, все как положено. Ходил я по левой, то есть западной стороне 1-й Мещанской.

Вход в нашу школу был неприметный. Это была просто дверь, как парадное, и никакого холла, какходишь — сразу лестница наверх. Залы, конечно, были какие-то, и актовый, на других этажах. У входа стоял, с правой стороны, швейцар. Возможно, его звали дядя Федя, но я в этом не уверен. Был он пожилой, может быть, старик, по нашим детским понятиям, с двумя пышными бородами. Ну, это классика, конечно, — две бороды, многие так носили. Но детям это страшно нравилось, и конечно, малышам он позволял трогать свою бороду. Его все очень любили. Конечно, там где-то снимали галоши и так далее.

Обучение было тогда, к счастью, совместное: мальчики и девочки учились вместе. Сейчас этим никого не удивишь, но о раздельном обучении я скажу после.

” И вот первый класс. У нас была школьная форма, но не в нынешнем её понимании. Её надевали только там. Это были халатики чернильного цвета, чтобы на одежде не оставались пятна от чернил.

Фиолетовые чернила в школе заготавливались в огромных количествах. Наливались в чернильницы, открытые сверху, и конечно туда попадала всякая гадость: и мухи, и черт знает что. В общем, с этим было мучение. И для того чтобы не посадить кляксу на одежду или на тетради — все носили халатики. Они были, пожалуй, ниже колен немного. Мальчики тогда носили только короткие штаны. Длинные штаны мальчики дошкольного возраста не носили, поэтому мальчики от девочек в халатах отличались очень мало, если не всматриваться...

Я помню, в разгар обучения (возможно, это было в первом полугодии первого класса) у нас была коллективная фотография. Фотограф пришел, всех поставили, как положено, фотографироваться, и фотограф мне сказал: «Девочка, встань сюда». Это мне на всю жизнь запомнилось.

По своему поведению я тоже не отличался от девочек, потому что мальчики бешено носились во время перемены, а девочки стояли у стены. И я тоже стоял с ними, затесавшись в их ряды, по двум причинам. Во-первых, потому что я не был активным и не хотел бегать, и мальчиков я побаивался, чтобы они меня не толкнули, не задели, а во-вторых, мне нравились девочки как таковые, потому что они красивые,

нежные, бантики и косички, в общем, все это. Как люди они красивее.

” Я, собственно говоря, за это тоже люблю женщин до сих пор. Они больше, на мой взгляд, похожи на людей.

Мальчики всегда более грязные и более грубые, хотя в первом классе это еще не так чувствовалось. В старших классах это, конечно, дало о себе знать.

Теперь о моем умственном развитии. Я учился неплохо в первом и втором классе. Я пришел туда уже грамотным, прочитавшим несколько книг, в том числе книги справочного и энциклопедического характера, которые у нас дома были. Скажем, «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях» и тому подобные вещи. То есть чтение для меня не было проблемой, я читал хорошо, писать тоже умел. Но в то же время есть какие-то странные пробелы и в моем умственном развитии. Например, я до второго класса не мог прочитать показания часов. Для меня это было загадкой, как это. Я понимал только, когда 6 часов, когда 12. Почему? Не объяснили. Мама не могла толком объяснить — наверное, не было у нее педагогических способностей. А так я больше никаких изъяснений за собой не помню.

Ну вот, значит, эти халатики чернильные. А стрижены были как? Мальчики практически наголо, у девочек были челочки оставлены, у девочек были прически. Это еще не война была, когда надо было всех стричь наголо. Но я со своей короткой стрижкой от девочки, видимо, не отличался. Еще в детстве меня принимали за девочку, примерно в два или три года, потому что у меня были очень красные губы. Почему-то все считали, что губы у меня накрашенные, и некоторые возмущались: «Как это так?! Ребенку губы покрасили! Что это за безобразие!»

Ю.С.: Вы забыли сказать в каком году пошли в школу.

Б.Р.: Я пошел в школу в 1939 году, в октябре. Это было нормально для моего возраста: тогда не в семь, а в восемь лет поступали в школу. Наш класс по своему составу был многонациональным. Между прочим, может быть, в этом и ничего особенного. У нас вообще принято говорить, что в нашем регионе, в нашем городе дружно живут представители 150 национальностей; примерно столько, сколько и есть на учете в нашей стране. У меня сохранилась тетрадь (потом я её покажу), где я все записывал. Я любил с детства статистику. Я сейчас же себе, в свою домашнюю тетрадь, перенес список всех своих одноклассников по фамилиям, отметил, кто где родился, какая национальность. Национальность очень увлекала нас. Например, была одна девочка-еврейка, Шеффер ее фамилия, родилась в Нью-Йорке. Были два немца с типичными немецкими фамилиями... потом их вспомню. Татары, конечно, были. Ибрагим мальчик был, Якуб — поляк. Он имел какое-то отношение к ботаническому саду и жил в доме напротив. Если мне не изменяет память, на этой улице, где ботанический сад МГУ, там был у входа деревянный бревенчатый дом (возможно, он и сейчас там существует как памятник архитектуры), вот он там и жил, в этом доме. К тому времени больше таких деревянных домов на 1-й Мещанской уже не было, все снесли, но на параллельных улицах — сколько угодно.

Ю.С.: Может, его сейчас в ресторан переделали. Вот этот аптекарский сад вы имеете в виду?

Б.Р.: Да, ресторан... Я как-то видел ресторан «Меценат» при Геологическом институте в Пыжёвском переулке.

” Так что действительно, это очень хорошо: при научном учреждении делать ресторан или, что еще лучше, публичный дом, который бы давал доход институту от аренды.

Но сейчас ресторана «Меценат» там уже нет. Да, действительно, видимо, доход идет ботаническому саду... Вот там жил этот Толя Якуб, напротив.

Ю.С.: Скажите, а в ваше время этот сад был действительно садом? Сейчас это такой чахлый кусок земли.

Б.Р.: Есть некоторые любители, которые меня туда зовут. Это был настоящий ботанический сад, маленький, конечно, но тогда он не был так визуально зажат между многоэтажными домами. Он располагался между Безбожным переулком на севере и Грохольским на юге. Мы очень часто ходили по Безбожному переулку, там трамвай ходил по нему. Он раньше назывался Протопоповский и сейчас, видимо, тоже. Но из антирелигиозных соображений Протопоповский переулок заменили на Безбожный. Но ведь название возникло от фамилии Протопопов, а вовсе не от какого-то протопопа. Если мы из антирелигиозных соображений будем искоренять такие фамилии, как Протопопов из топонимики, что же мы будем делать с Рождественскими, Вознесенскими, Воскресенскими и всеми этими духовными фамилиями? Сколько праздников — столько типов фамилий.

Хотя, конечно, более курьёзные случаи есть, как воевали со старыми названиями улиц в советское время. В Ленинграде был переулок «Дунькин». Решили, что Дунька — это вульгарно: в советское время называть крестьянку Дунькой. Назвали «Колхозный». А это было от слова Дункан, от шотландской фамилии. Но вернемся к Москве...

Ю.С.: Вы начали говорить, что ваш класс был многонациональный. А много было учеников в классе?

Б.Р.: Как положено, человек тридцать. Немаленький класс. Потом мы проверим, у меня тетрадь здесь. Класс в пятнадцать—семнадцать человек — это было только когда я кончал школу в Москве в первые послевоенные годы. Это считалось ненормальным, но сорок — нет, конечно. Я думаю, человек двадцать пять — тридцать. Все сидели за партами по двое. Я сейчас уже не помню, с кем сидел за партой, с кем дружил. Родители давали мне еду, чтобы я её ел на большой перемене. Я эту еду не ел никогда, выбрасывал.

Ю.С.: Всем давали?

Б.Р.: Родители всем ли давали еду? Я не помню, но я не хотел там есть.

Ю.С.: Стеснялись?

Б.Р.: Ну, у меня были какие-то соображения, я не знаю. Не хотел... Вот сейчас некоторые мои друзья, Володя Каганский, этому изумляются... Может быть, это было всего один раз, но мне кажется, что я регулярно выбрасывал в мусорную корзину бутерброды: белый хлеб, масло и красная икра. Я их тайно выбрасывал в мусорную корзину, чтобы не есть при других. Может быть, я стеснялся по социальным соображениям, может, у других детей не было такой еды. О том, что надо было чем-то запивать, об этом речи не было. Столовой, буфета, по-моему, у нас не было тогда. Опять же не могу сказать точно, но я помню только этот драматический факт: что я выбрасывал...

Потом дальше: за все десять лет обучения я никогда не пользовался в школе туалетом. Это, конечно, кажется изумительным. Не знаю, почему. Один раз я зашел в школьный туалет, но не пользовался им, это было уже в старших классах. Там было курение, мат, надписи разные, в общем, как положено. Ну, я не говорю, что это меня шокировало, но просто есть вещи, которые я как ребенок стеснялся делать. Как правило, мой мочевого пузырь, в общем-то, работал нормально, так что проблем с ним не было.

Ю.С.: А вы в первую смену учились или во вторую?

Б.Р.: Мы учились в первую смену. Со второй сменой я познакомился только в эвакуации. Так — нет, как правило, в первую. Второй смены там не было, мне кажется, а может быть, она была у старшеклассников. У малышей первая смена должна быть, кто же малышей посадит во вторую смену?

Значит, осень 1939 года. Я, конечно, читал регулярно газеты. Что касается пакта Риббентропа—Молотова, все это было затушевано грандиозным торжеством по поводу «освобождения» Западной Украины и Белоруссии. Именно это подавалось в первую очередь как достижение нашей страны. А тот факт, что наша страна фактически вступила во Вторую мировую войну в союзе с гитлеровской Германией, это,

конечно, в таком виде не доходило до народа. Этот крутой поворот, он всех взрослых людей, которые интересовались политикой, ошеломил и шокировал. Но я не буду сейчас говорить о том, что мы знаем уже как взрослые люди, изучавшие историю, я могу только сказать о своих детских впечатлениях.

Веселье 1934–1938-х годов

Хочу немного отвлечься, то есть вернуться немного назад. По моим представлениям, период с 1934 года по 1938-й в нашей стране был самым веселым на протяжении её многовековой истории. Столько песен, столько плясок, столько эстрадных номеров! Казалось, это был сплошной карнавал. Демонстрации Первомайская и Ноябрьская. Шары — это ладно... Несли чучела Чемберленов... Их несли, потом сжигали эти чучела. Юра, вас это удивляет? Вы этого не знаете?

Ю.С.: Меня удивляет, что вы это помните.

Б.Р.: Ну что же тут не помнить! Я помню дирижабли, которые летали над Москвой. Они же потом перестали скоро летать.

Кстати, в Интернете есть мои воспоминания, но, к сожалению, я их не успел исправить, мне некогда было этим заниматься. Там тоже об этом говорится. Кто-то из историков заимствовал это, и даже благодарность мне как старожилу московскому там есть — за то, что я помню такие вещи.

Значит, теперь еще что? Булочная. Нет, сначала мы поговорим о веселье. Как я утверждаю, с 1934-го по 1938-й... Почему именно с 1934-го? Тогда примерно Сталин сказал: «Жить стало лучше! Жить стало веселей!» Разрешили новогодние елки, открылся мюзик-холл, проник джаз в нашу страну. Вот и началось безудержное веселье. Дунаевский, Эйзенштейн съездили за бугор, за океан, привезли мелодии замечательные мексиканские, которые у нас уже превратились в оригинальные мелодии. Поэтому наши песни замечательные — они отчасти имеют происхождение оттуда. И даже о композиторе Блантере говорили: «По росистой луговой... По извилистой тропинке Блантер двигался на дачу, напевая Кукарачу». Таким образом очень большую роль мексиканские мелодии сыграли...

” Вообще поездки наших деятелей за границу, они всегда вносили огромный вклад в нашу культуру в те годы, когда выездных было мало и когда выездными были или очень талантливые или очень влиятельные деятели.

Хрущев съездил в Скандинавию и привез оттуда пятиэтажки, которые у нас понастроили. Это же все оттуда взято. Я тоже был в это время в Финляндии, был свидетелем этого бума строительства пятиэтажных домов. Тот же Хрущев побывал в Айове или в каком-то другом штате и привез оттуда кукурузу. До того у нас Петр I так полюбил Голландию, что решил превратить дельту Невы во второй Амстердам, и запрещал жителям пользоваться мостами, мосты запрещал строить, чтобы на лодках только передвигались. То есть все так вот круто заимствовалось. По части музыки, конечно, очень много заимствовано оттуда песен. Песни были прекрасные. Нашим людям было до лампочки, что эта мелодия заимствована. Дунаевский, конечно, восхитительный композитор, я его очень высоко ценю. Песня о Родине, она появилась... потом уточним когда, но мне кажется, что, когда мне было шесть лет, она уже была. То есть это, видимо, 1937 год. Тоже замечательная песня. Ее предлагали сделать гимном нашей страны. Я считаю, что по тем временам это был бы самый подходящий гимн, когда во все это верили на 100%. Я её тоже исполнял, стоя на стульчике. Мои родители думали, что, может быть, у меня есть музыкальные способности, может, меня в музыкальную школу послать. Но, в общем, с этим ничего не получилось.

Б.Б. Родоман. Волга, пассажирская баржа для актеров «Немирович-Данченко», 1938 год

Посещение частного детского сада

Надо сказать, что еще в дошкольное время родители решили, что, так как я ребенок домашний (с детьми-то я совсем не общаюсь, вовсе не хочу гулять во дворе, ни один, ни с кем-то, и нечего мне там делать), решили меня отправить в детский сад. Но это был не настоящий детский сад, а частный. Если вы думаете, что в то время не было частных — нет, были. Был частный детский сад, назывался «группа». Обычный детский сад, содержала его какая-то дама. Довольно далеко по Грохольскому переулку... Нет, не по Грохольскому, а по Безбожному, надо было идти больше километра, это было почти возле Каланчевки. Между Каланчевкой и нашей улицей. Ну, это не так уж много. И вот я был там брутто девять дней, а нетто шесть, потому что остальные три дня меня не удавалось физически довести до детского сада. Я цеплялся за каждый выступ, за каждый угол и кричал. И если родителям хватало сил дотянуть меня до детского сада, я там проводил день, а если не хватало, они в отчаянии возвращались вместе со мной. Когда меня приводили в детский сад, все там кричали: «О! Борьку Ткачева привели!» У меня была «девичья» фамилия Ткачев (мамина фамилия). Но зато там я сидел тише мыши. Там интересные были салфеточки, что меня особенно поразило. Там я помню только три детали. Салфеточки. Вот мы сидим за длинным столом. Ну, как он выглядит, я представляю. Какая-то светлая комната, по-моему, гараж переделанный. Светлые окна, длинный стол. Скатерть, все сидят, и салфеточки в пластмассовые колечки пузатые вставлены. Вам не приходилось такое встречать? Значит, представьте себе колечки шириной сантиметра четыре, разноцветные, чтобы не путали, пластмассовые. И в них салфеточки свернуты в трубочку. И конечно, еще на груди какие-то слюнявчики, что ли, я не знаю. Потом за этим же столом

рисовали. Я научился рисовать только дым. До этого, видимо, я рисовал его просто в виде ломаной линии, а после этого клубами. Потом помню, это было, видимо, в апреле, первую бабочку-капустницу на асфальте. Это было в начале апреля, по-видимому, 1937-го. Потому что мы в 1936-м переехали на новую квартиру. На этом закончилось мое соприкосновение с детским садом.

Польша в атласе 1941 г. Система оценок и уровень грамотности

Теперь возвращаюсь к повествованию о школе. Значит, 1939 год. У меня были географические атласы, поэтому политико-административное устройство мира мне было известно. Ну а что тут удивительного? Карта Европы мне была известна в общих чертах. И вот тут выходит новый атлас. Возможно, этот разговор был во втором классе, хотя мог быть и в первом. Выходит новый атлас. Это видимо, просто мой атлас: мы еще не изучали географию в первом классе.

” И вот я обращаю внимание на то, что вместо Польши там написано «Область государственных интересов Германии».

У меня есть карта, я сию минуту могу показать, где это написано: «Область государственных интересов Германии». Юра, что, для вас это ново, что ли, вы первый раз слышите? Первый раз слышите? В атласе 1941 года карта Белоруссии, БССР, Белорусская Советская Социалистическая Республика, тогда еще в нее входил Белосток, а к юго-западу от Белостока, территории Польши, написано «Область государственных интересов Германии», перевод с немецкого. Я набрал недавно в Интернете, проверил. Я сейчас все в Интернете проверяю, все, что можно: все там есть. Я своему однокласснику Толе Якубу говорю — показываю и говорю такую замечательную дурацкую фразу: «Я выбил Польшу из головы». Что это значит? Это значит, что теперь, видишь, Польши нет, и в моём представлении нет этого государства. Я говорю: «Я теперь понимаю, что ее нету». А это был мальчик польского происхождения, Толя Якуб. Ну, у нас, конечно, царила дружба народов в первом классе, все было с этим нормально.

Что касается особенностей моего обучения: я был отличником. По крайней мере, до пятого класса включительно я был, как это говорится, круглым отличником. Тогда не было пятерок и четверок, тогда были словесные оценки. «Пл.» — плохо, «пос.» — посредственно, «хор.» — хорошо и «отл.» — отлично. Это была, по сути дела, четырехбалльная система. Сейчас эту систему «пять-четыре-три» я тоже не назову пятибалльной, потому что двойка почему-то означает отсутствие всякого знания и всякого ответа, а что же тогда означает единица? А что же тогда означал бы ноль? Ноля и единиц не ставят. На самом-то деле это потенциально семибалльная система. Тому, кто ничего не говорит, надо ноль ставить, а тому, кто говорит хоть что-нибудь или пытается что-то сказать, надо ставить единицу. Что касается уровня грамотности и развития ребят, я повторю только то, что говорила мне недавно моя жена Татьяна Викторовна Казалова, доктор философских наук, ныне тоже преподаватель одного из московских вузов. Она сказала, что уровень грамотности современного первокурсника соответствует уровню пятиклассника советской школы. Что имеется в виду? Конечно, не интеллект, не знания, не жизненный опыт — нет, а только какая-то сторона грамотности. То ли умение читать и писать, то ли внимание, в том числе и к географической карте, какие-то мелочи, которых сейчас нет у студентов-первокурсников. Нас обучали учителя, которые окончили дореволюционные гимназии. Не следует забывать, что, когда я родился, все взрослые люди были уроженцами царской России, поэтому примерно до пятидесятих или шестидесятих годов прошлого столетия все пожилые интеллигентные люди были выпускниками дореволюционных гимназий, и это, конечно, существенно.

Сказки С.Г. Писахова и книги Б.В. Шергина

Тем временем мой отец как актер и тещ ездил на гастроли. И он был на гастролях в Архангельске.

Эти гастроли большую роль сыграли в моей жизни. В Архангельске он познакомился с местным художником и писателем Степаном Писаховым. Я только что по Интернету проверил данные о нем. То, что я говорю, заслуживает доверия: он в основном был известен в советское время как художник. Но он был, кроме того, еще писатель, сказитель, и он писал сказки. У меня дома есть эта книга, я её, может быть, покажу, когда мы будем что-то фотографировать. Писал он очень смешные сказки, фантастические совершенно. Ну, в таком в мюнхгаузеновском духе, на архангельском диалекте. Его герои были родом из деревни Уйма, которая сейчас уже очень близко от Архангельска, может быть, даже вошла в его черту, но тогда это было от центра города километров пятнадцать. То есть это была деревня, но, конечно, очень связанная с городом. И вот все его герои жили в этой деревне Уйма. Главным героем был некто Семён Малина, мужик, а самым отрицательным персонажем — поп Сиволдай. Ну уж как над этим попом глумился писатель Писахов, как он изображал этого попа жадным, как всячески его надували, как он летел по воздуху как бы на парашюте, или свое толстое пузо в виде воздушного шара использовал. В общем, все в таком духе. Вот сейчас, когда смотрю в Интернете, все совершенно другое: Писахов подается как православный русский писатель из старообрядческой семьи. Наполовину из старообрядческой. Его фамилия была Пейсахов по папиной линии. Так что замечательный такой сплав, замечательный: старообрядческая линия; по маминной линии православный, крещеный. Сказки Писахова — одна из моих настольных книг, потому что именно в возрасте восьми лет я все их читал и знал наизусть, я их очень любил. И наша семья очень любила архангельские сказки.

Другим архангельским писателем, более знаменитым, более обласканным советской властью, был Борис Шергин. Кто не знает Шергина?! У Шергина были свои сказки, тоже довольно фантастические, я их не буду пересказывать. И былины поморские. Он писал тоже на архангельском диалекте, у него был свой язык, совершенно отличный от языка Писахова. И что там является натуральным архангельским диалектом, а что именно — лексикой самого писателя, я не знаю, они писали разным языком. Например, в языке Шергина мне больше всего нравилось слово «этта», что значило «здесь». «Этта будет становьё, стародавнее зимовьё». В таком духе. Поморщина, корабельщина. Но я читал не это, а «Архангельские новеллы». Была такая книга «Архангельские новеллы» Бориса Шергина, она не уступала Писахову по степени фантастики. Вот это я все читал с упоением. Архангельский быт для меня был, так сказать, тоже очень важен. А мой отец привез от Писахова текст, машинописный, его сказки «Не любо — не слушай». Это такая патриотическая сказка о том, как архангельские мужики заморозили ругань, ну, видимо, мат. Но там мат, конечно, никак не упоминался. А когда пришли интервенты, они его разморозили, и эти ругательства стали бить в лоб интервентам, и они убрались восвояси.

Ю.С.: У Мюнхгаузена похожее...

Б.Р.: Да, конечно. Можно исследовать... И вот когда я потом уже, сейчас смотрю, что печатается у Шергина: боже ты мой, опять все такое клерикальное, православное. Сейчас этих писателей взяли на вооружение национал-патриоты. И то, что он там о попе Сиволдае писал, Писахов, упаси боже, сейчас этого нигде не найдешь. Насколько я понимаю, сейчас из школьной программы сказку «О попе и Балде» выкинули пушкинскую. Сейчас никто не позволит школьникам читать сказку Пушкина «О попе и работнике его Балде».

Отношение к религии

Ю.С.: А вы были верующим в первом классе?

Б.Р.: Ни в коем случае! У меня отношение к религии совершенно ясное и простое. Я рассматриваю это как сказки, которыми интересуются взрослые люди. Некоторые темные люди, старушки в основном дореволюционные, только такие... Потому что представить себе, что психически нормальный человек может в это верить, я до сих пор не могу.

Ю.С.: Когда у вас отношение такое сложилось?

Б.Р.: С рождения. Мне было совершенно ясно: и Дед Мороз, и религия — все это сказки, сказочные

персонажи. Так же я относился и к Священному писанию. Я познакомился с Библией уже значительно позже, так, понаслышке слышал, а в шестнадцать лет прочитал. Но это мы забегаем далеко вперед, я не всю её прочитал, она слишком велика. Я сказал себе, что Библия — это, по сути дела, протокол склок, которые существовали. Я решил так: как если бы в нашей коммунальной квартире ежедневно, изо дня в день, записывать, кто что сказал, кто кого как обозвал, вот так же в свое время. Веками эти межплеменные склоки бесконечные, которые происходят на Святой земле. Конечно, это литературное произведение — Песнь песней. Всякие боги, духи — это сказочные персонажи. К сказкам я относился с уважением.

” Но больше всего мне нравилась античная культура. И то, что рассказывали древние греки о своих богах и героях, для меня было и остается на порядок выше того, что изложено в Библии.

Ю.С.: То есть в одном ряду с древнегреческой мифологией для вас религия?

Б.Р.: Ну конечно. Политеизм, монотеизм... Опять же, зачем мне верить в Деда Мороза? Я понимаю, что Дед Мороз — сказочный персонаж, что подарки от него, елка — это хороший ритуал. Но я не понимаю, как вообще в него можно верить.

Ю.С.: А когда маленький были не верили?

Б.Р.: Нет, когда я был маленький, еще не было Деда Мороза. Елки разрешили только в 1935 году. Не то с 1 января 1935-го, не то с 1 января 1936-го: я не помню, но это известно. Скорее всего, с 1 января 1935-го. Я вам рассказывал первые впечатления от елки. Но Деда Мороза как такового я в качестве персонажа не помню. Мне елку устроил отец, а Дед Мороз, конечно, стоял, как кукла, под елкой. Говорят, что ребенок, который не верит с детства в Деда Мороза, вырастает циником. Может быть, я вырос циником, я с этим согласен. Но я вижу, что Дед Мороз у нас — это бог для детей. Видимо, наша православная церковь это одобряет. Она считает, что до какого-то возраста ребенок должен верить в Деда Мороза, ему рано говорить о Христе. А наверное, лет с семи-восьми, когда он перестает верить в Деда Мороза, ему о Христе надо говорить.

Итак, церковь. Церковь — это то, куда ходили одни старушки. Люди служащие, государственные, не рисковали туда заходить. Верили они или не верили — они все потом оказались верующими, уже в недавнее время. Нет, они туда не ходили, молиться не ходили. Но мы ходили заглядывать, посмотреть, как в театр. Мы заходили в церковь время от времени, и для меня там не было ничего особо непонятного. Может быть, несколько раз заходили смотреть. Отец мой как человек культурный старался меня ко всему приобщить, ко всякой культуре, он все мне разъяснял. С ним мы заходили в церковь, а может быть, и с мамой. Но надо сказать, что на Пасху и другие праздники в церкви была чудовищная давка. Еще Зоценко написал в своем рассказе, как кулич раздавили сапогом. Вы знаете этот рассказ?

Проблема с одеждой в советское время

Ю.С.: Не помню. Хорошо. Вы вернетесь сейчас к школьным годам, к поездке вашего отца...

Б.Р.: Да, поездка моего отца в Архангельск была очень плодотворной, и он привез мне оттуда в качестве сувенира чудесную вещь — нерповые валенки. Они были инкрустацией из разных мехов. Из разных: там был золотой мех, совершенно золотой, и совершенно серебряный. Я в них ходил в школу без галош. Они от этого быстро бы стерлись, наверное, но я не так долго в них ходил, расстояние было небольшое. Мягкие, очень приятные. Можно было по двору гулять. Хотя по улицам уже тогдашним, наверное, не стоило ходить. Не было, наверное, такого даже места, где в них стоило особенно ходить. Но они были чудесные. Особенность того, как мы одевались, была такая: мы никогда не могли одеться прилично и красиво. В советское время одежда была страшно дорогой. А проблема прилично одеться была очень

большой проблемой, и для многих людей была просто трагедией.

Насколько я помню, пожалуй, до семидесятых годов XX столетия было принято носить костюм, рубашку, шапку, пальто. Сейчас я ничего этого не ношу. Сейчас на мне спортивная одежда, и то, что вы видите на мне сейчас, я в этом хожу и в учреждение иногда. У меня нет сейчас никакого костюма, ни галстука, ни шляпы. А тогда это полагалось. И это была проблема, потому что стоимость костюма была равна величине зарплаты месячной. Значит, надо было откладывать. Если я купил костюм, пальто остается рваным. Проходит несколько месяцев или лет, я покупаю себе новое пальто. По этому поводу в учреждении, где я работаю, радуются, как Акакий Акакиевич и его сослуживцы. Но оказывается, что ботинки у меня никудашные. Одеться с ног до головы прилично было никогда невозможно для нас в советское время. Несмотря на то что мы даже не столько по имущественному уровню, сколько, может быть, по культурному принадлежали, как мне кажется, все-таки к среднему классу в советское время, потому что был низший класс — это люди, которые жили в бараках, у которых дома не было канализации, у которых было в семье много детей, которые летом бегали босиком, у которых родители работали на фабрике или на заводе. У нас же было не так. У меня мама была домашняя хозяйка, отец — актер, он был занят в основном по вечерам. Он носил шляпу и галстук, рубашку белую, которую гладила моя мать. Значит, мы были уже представители как бы среднего класса. И люди более низкого класса, по коммунальной квартире, по двору, они к нам тянулись как к людям более культурным. А профессию моего отца, конечно, уважали.

О ругательствах и пословицах в семье

Я еще хочу вот что сказать. В детстве я, до одиннадцати лет, до того как выехал в эвакуацию, а это было в 1941 году... я никогда не слышал мата и не подозревал о его существовании. Сейчас это невозможно, в наше время. Я объясняю это следующими причинами. Во-первых, я не играл с мальчишками во дворе. Мне неоткуда было услышать. Когда меня мама выгоняла во двор гулять, я просто стоял там. Ну а потом я просто ходил по улицам.

” А в детстве, повторяю, до одиннадцати лет я никогда не слышал мата. Я объясняю это следующим образом: в то время носители матерной лексики не матерились при приличных людях. При барышнях, при интеллигентах, при человеке, который носит шляпу, галстук, никогда никакой извозчик, никакой мужик в Москве не матерился.

Конечно, не исключено, что иногда я краем уха что-то такое слышал, но я не мог этих слов понять, и я просто их не замечал. В школе ничего подобного у нас не было. Что касается арсенала ругательств, то у нас он был свой. Моя мама принесла эти все выражения с Украины, и все они вертелись, как бы выразиться поприличней, вокруг жопы и говна. Вот это да, это все пожалуйста, целая феерия шуточек, смешных поговорок. От своей мамы я унаследовал множество пословиц, которые она в детстве усвоила, живя в своем городе Лубны. Пословицы делились на две категории, совершенно разные: русские и украинские. Русские пословицы она брала из театра или из книг. У них были гастроли театра на русском языке в провинции. Они все носили мудрый характер. Например: большой корабль — большое плавание. Это значит, что квартира у нас слишком велика, и её трудно убирать. Хорошо бы, чтобы квартира была поменьше. Об этом моя мама мечтала много лет. А украинские были все смешными и нелепыми. Например: «Шоб ты так дьхала, как оця свинья бздыть». То есть, «Чтоб ты так дышала, как бздит свинья». То есть это были смешные и грубые поговорки. А на русском языке пословицы были очень мудрые.

Ю.С.: А квартира большая — это две комнаты?

Б.Р.: Да, это всего лишь 30 квадратных метров, одна комната — 18, другая — 12.

Ю.С.: Слишком большая?

Б.Р.: Да, слишком большая. Но высокое помещение — 360 сантиметров. Я же говорил, что у меня была изумительная кубическая уникальная форма комнаты: 360 сантиметров в длину, высоту и ширину. Именно при таких размерах жилая комната может быть кубической, потому что ни при пятиметровых размерах, ни при двухметровых в такой комнате жить невозможно. В этом смысле нам повезло. И паркет, конечно же, дубовый, а под ним — пустота. Там потом жили мыши. Пустота сантиметров двадцать. Можно было выпилить, положить туда какой-нибудь клад, а может быть, он там и лежал. Я сорок два года жил в этой квартире, я не знаю. Устройство квартир было такое, что необязательно было открывать форточки. Проветривали при помощи фрамуги. А сейчас фрамуги не делают.

Ю.С.: Ну теперь о школе, еще немножко.

Б.Р.: Первый-второй класс прошли как-то незаметно. Про школу я, пожалуй, уже все про первые два класса сказал. Я скажу, что школа в целом, все периоды, когда я учился в школе, были бледными в моей жизни.

Ю.С.: А учительницу не помните?

Б.Р.: Я помню первую учительницу. Я уже не помню, как её звали. Она приходила к нам домой. В обязанности и обычаи учителей это входило. И как-то дома она говорила, что я чего-то не умею делать, она мне предложила сосчитать что-то в обратном порядке. Но я расплакался, потому что я еще мог плакать как ребенок. Мог взять и зареветь.

О том, откуда берутся дети, о сексе ничего не знал я до десяти лет. Но задавал вопрос, почему, собственно, папа существует. Мама, например, понятно: я вылез из мамы, вроде как бы из попы. Хотя я свою маму много раз видел в голом виде, но это у меня не вызывало никаких вопросов. А вот почему собственно папа, какую он играет роль, мне это было не совсем ясно. Но особенность советской, русской культуры была в том, что умели виртуозно избегать этой темы. Сейчас просто невозможно в это поверить. Читаешь, например, роман Гончарова «Обыкновенная история»: там много лет он просто виделся, приезжал и виделся с этой дамой. Только и всего. Ну как это понимать? То есть так все было устроено: классическая художественная литература была такова, что ребенок никак не мог догадаться. Виртуозно скрывалось. Но это все сказалось в будущем, потому что недостаток полового просвещения... Но мы еще вернемся к этой теме.

Политическая ситуация 1930-х годов

Да, я говорил, что с 1934-го по 1938 год в нашей стране царило буйное веселье. За этот период были первые выборы, Верховный совет, конституция замечательная была. У меня нет претензий к сталинской конституции, она очень хорошая. Конечно, она была не такая большая, но там все есть, все права, кроме, правда, права на свободу передвижения. Все были записаны. Но дело в том, что это нисколько не мешало их не соблюдать — так же, как это наблюдается в наши дни. Когда у одного юриста спросили, в чем разница между законами и обычаями, он ответил: «В России существует обычай не соблюдать законы».

Ю.С.: Скажите, но ведь эти же годы, самые веселые, и годы процессов...

Б.Р.: Совершенно верно.

 Да, процессы: одно другому не мешает. Но верно я говорю: врагов давили с торжеством.

Ю.С.: Газеты-то вы читали?

Б.Р.: Конечно читали! Об испанской войне, а как же? Все это в нас разогрело энтузиазм. Это же энтузиазм

был!

Ю.С.: А дома на это как-то реагировали?

Б.Р.: Я же говорил, что дома у нас это все не обсуждали. Мама моя всему этому верила, она жадно слушала радио. Она вся продукт репродуктора (извините за игру слов). Потому что какое у нее образование? Она на Украине окончила три класса, но зато эти три класса здорово усвоила. Книги она читала. Всю жизнь читала на украинском языке роман некоего Ивана Ле, который назывался «Роман Міжгір'я», о том, как в Средней Азии строили плотину уже при советской власти. Она, конечно, тосковала по украинскому языку, но никогда не путала его с русским. Никогда мы не говорили дома на каком-то дурацком суржике. Хотя, конечно, что касается акцента, видимо, что-то передалось и мне. Потому что моя мама еще некоторое время звук «ч» произносила твердо очень: мягкого «ч» нет в украинском языке.

Я помню как-то в детской больнице... У нас были великолепные детские больницы, которые построены еще императрицами, под их покровительством. Две детские больницы прекрасные в нашем районе. Посредине огромный зал, где дети могут играть, большой, как на вокзале. Там мамы знакомятся между собой. Вот там у меня спрашивали: «Мальчик, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Мама за меня отвечала: «Мой Боря будет кабинетным утшоным». Она это слово произносила так, с твердым «ч». Она была права наполовину. Другая половина — то, что я еще был и полевым (как говорил Каганский) путешественником-исследователем. Но кабинетным — да, конечно, несомненно.

И вот значит так — внешнеполитическая обстановка. Опять я уже назойливо вспоминаю о всеобщем веселье. Это веселье начало омрачаться тучами и тенью надвигающейся войны. Никто толком, может быть, не знал, с кем мы будем воевать, но вся страна жила подготовкой к войне. Ведь что такое была коллективизация, индустриализация? Сначала немецких инженеров приглашали, американских, которые нам Днепрогэс помогли построить. Но наращивание индустриализации — это была сплошная подготовка к войне. Ясно было совершенно, что Вторая мировая война на носу. И вот в 1939 году Советский Союз вступил в войну с Финляндией. Но это было сделано так, что якобы мы воюем с белофиннами, а наши союзники — красные финны. Когда в поселке Терийоки было сформировано за несколько минут красное финское правительство, оно объявило войну белому... Но ведь все это было сделано с благословения Гитлера, потому что Гитлер, по сути дела, своим пактом разрешил на время поделить эти страны, и Финляндию он, видимо, отвел в сферу интересов Советского Союза, а ведь он мог воспрепятствовать этому. Я считаю, что два народа, которые не дали себя покорить России, — это финны и чеченцы. Все остальные, к сожалению, были в оккупации. Чеченцы извернулись, превратили свою республику в вассальное государство, где сейчас что хотят, то и делают. По этому пути пошли, по пути вассализации, когда входящие в нашу страну республики и области, их главы являются, по сути дела, монархами, которые могут что угодно делать со своими подданными в обмен на очень усердную лояльность к Московскому кремлю. Это был замечательный выход для них, они это сделали, а финны, в общем, не покорились. И вот уже вроде наша страна находится в состоянии войны, и тут уже это сказывается. Например, было введено... Уже веселья такого нет. Проводятся учения: воздушная тревога, затемнение. Пока в Москве, в порядке учений. Бомбоубежища готовятся, ПВО. В школу проникает эта подготовка. Надо сказать, это было неплохо поставлено, потому что когда наступила настоящая война, эвакуация была организована. Так, ладно, потом. Вводятся предельные нормы отпуска товара в магазинах. Насчет карточной системы — я родился при карточках. Я их, конечно, как таковых не помню, но они, кажется, были отменены тоже 1 января 1935 года. Отец пришел из магазина, принес гостинцы, конфеты: были в одночасье отменены карточки. И дальше все было свободно, продажа свободная. Но очереди везде, за хлебом стояли в очередях.

Хлеб отвешивали на весах, а у входа в магазин стояли нищие, которым надо было подавать добавки. Меня однажды приняли за такого нищего, потому что я был одет очень плохо.

Я просто там стоял, как истукан, в то время как мама стояла в очереди за хлебом. И тут прошла какая-то женщина, и она мне, кажется, подала кусочек белого хлеба. Я не помню, что я с ним сделал. Чтобы я его ел, я этого не помню. Потому что тогда обязательно был так называемый добавок. Сейчас этого нет, сейчас готовые батоны. А тогда весы, с этими носиками-уточками, которые сходятся сбоку... Я помню прекрасно эти булочные. Ведь все по отдельности надо было покупать. В булочной надо было выстоять очередь за хлебом, потом пойти в молочный магазин — купить там творог или сметану, тоже в очереди выстоять. Ну, булочная была вместе с кондитерской... В мясной, потом в бакалею. Гастроном и бакалея очень различались. Гастроном — там мясные продукты. Бакалея — это прочее, крупы и так далее... Тоже было очень дико по нынешним понятиям. Я скажу, что это унаследовано от того времени, когда лавки были действительно специализированы, но они же были рядом. Между ними было расстояние в метр. Те же лавки, что стояли на улицах или на рынках, там тебе и мясное, там и овощное. Все вроде бы отдельно, но рядом. То есть, по сути дела, уменьшенный супермаркет. Так вот, уже тогда, в 1939-м или начале 1940 года, в результате Финской войны, были введены предельные нормы: хлеба не больше двух килограммов в одни руки. Поэтому, чтобы получить больше, надо было становиться в очередь еще раз. Я в 1940 году как-то сказал: «Так у нас еще и карточки скоро введут». Мама сказала: «Тише-тише, не говори этого! Такие вещи нельзя говорить».

Летний отдых в деревне. Введение семидневной недели

<...> Рассказ об этой эпохе будет неполным, если не говорить о том, как мы проводили лето. Напоминаю, что в 1939 году у нас было чудесное путешествие по Днепру и Черному морю, закончившееся отдыхом в Феодосии. 1940 год — это была опять дача под Москвой. Дача — это съемная площадь, в данном случае уже не в поселке, а в настоящей деревне, у настоящих крестьян. Город Истра, бывший Воскресенск. К югу от него, если проехать или пройти (мы пешком ходили) километра два, пересечь реку Istru, подняться по очень крутой горе направо по серпантину, была деревня Котерево. Сейчас её следы найти невозможно. Невозможно. Сейчас что хотите там есть, и садовые участки... Я там не в нынешнее время был, а тридцать лет назад, ничего уже не было.

Жили мы в избе настоящей. Там я впервые соприкоснулся именно с деревней. Ну что же? Жители жаловались на колхоз. Я тоже усвоил в то лето, что колхоз — плохо для них. Да, как я проводил там время... Конечно, там было неплохо мне. Я бегал по кустам, по лесу. Но самое главное впечатление от этого лета — грибы. Грибов было очень много. И местные жители, как правило, приносили сотню белых грибов за один раз. Они даже оставляли только шляпки, выбрасывали ножки. Считалось, что набрать сто белых грибов для местного жителя — это норма. Он приходил с ведром. Мы, конечно, столько не набирали. Может, мы набирали 20–30, но это же были белые грибы! И наряду с белыми грибами мы собирали подберезовики и подосиновики, которые я до сих пор путаю, потому что у одного из них коричневая шляпка, а у другого — ярко-красная. Там я еще видел поставленные вешки будущей железной дороги. Построена была вокруг Москвы большая окружная железная дорога во время войны. Не знаю, до войны её начали строить, по-видимому. Наверное, в 1941 году. Но это был еще 1940-й, а уже стояли столбы с какими-то обозначениями.

Эти грибы я прекрасно помню, этот ландшафт и болота в том числе. Чудесный вобщем-то ландшафт, прекрасный. И там еще со мной был такой несчастный случай интересный. Я ножом строгал палочки, прутья. Я очень любил ножом что-то строгать. И вот я как-то строгал палочку ножом вверх и попал себе в глаз. И глаз, и лицо залилось кровью. Двух миллиметров не хватило, чтобы я глаз проткнул ножом. Только двух! Я ножом повредил нижнее веко, из него текла кровь, а глаз остался невредим. Вот такое чудо.

Летом 1940 года был издан правительственный указ, который очень взволновал народ, особенно крестьян: была отменена шестидневная рабочая неделя, восстановлена семидневная. Дело в том, что в годы, когда я еще учился в первом классе, и, естественно, до того не было семидневной недели. Слово воскресенье, понедельник было мне незнакомо. Это был пережиток чего-то дореволюционного. Месяц делился на шестидневки. Первая шестидневка с 1-го по 6-е число, вторая, третья, четвертая, пятая, а 31-е число, если оно было — просто рабочий день.

Ю.С.: Но воскресенье-то все равно было?

Б.Р.: Не было. Воскресенье было в церкви. В церкви был свой календарь. В гражданской жизни не было этого. Если кто-то этим интересовался... Нет, я скажу, на отрывном календаре это было. На нем каждое шестое, двенадцатое, восемнадцатое, двадцать четвертое и тридцатое называлось выходной день. Остальные назывались рабочий день. Черным обозначались. И маленьким шрифтом было написано: понедельник, вторник... Отрывной календарь, восход-заход солнца и луны, это было. На обратной стороне текст. Мне про моего дядю, жившего в Лубнах, говорили, что он каждый раз утром отрывал листок календаря, прочитывал его и подтирался им.

Так вот, как в школе было написано расписание: первый день шестидневки, второй день шестидневки, третий, четвертый, пятый. Выходной день был один — шестой день. Шестого дня не было в расписании. Значит, пять рабочих дней, один выходной. 31-е — просто рабочий день, у него не было номера: это первый или второй день шестидневки. Если это февраль с двадцатью восемью днями — ну что ж, значит, чаще расположены выходные дни. Значит, 24-е у нас получается выходной день. Теперь дальше, еще интересно, что в эти годы...

Я еще хочу отвлечься: дело в том, что Октябрьская революция разрушила все, что могла, а потом был процесс постепенного восстановления того, что было до революции. Этот процесс идет и сейчас, без конца идет. Ведь в первые годы после революции были отменены и адвокаты, и адвокатура была отменена. Военные носили петлицы вместо погон. Ну, вы знаете, откуда эта форма Красной Армии. Это Васнецов готовил, знаете, эти шлемы и все. А в 1943-м восстановили погоны. Воинские звания частично, такие как генерал, восстановили раньше, а само слово офицер — тоже с 1943 года. И вот этот процесс... Мундиры чиновников... Но мы к этому еще вернемся. Раздельное обучение в школах...

Чиновники никогда не могут придумать ничего принципиально нового. Чиновники, для того чтобы оправдывать свое существование, должны без конца отменять и разрешать, разрешать и запрещать, вводить и отменять одно и то же, что они и делают на протяжении периода, который я прожил.

И вот все местные жители, крестьяне, были очень взволнованы этим: что уже, может быть, скоро и религию разрешат. Ведь слово «воскресенье», от которого пахнет религией, пахнет богом, было совершенно новое в нашей жизни. А когда я приехал поступать во второй класс, уже было воскресенье. Это очень интересно — семидневная рабочая неделя.

Теперь о грибах. Говорили, что такой необычный урожай грибов... Все-таки такое количество грибов и тогда было необычно. Сейчас я там вряд ли больше одного белого смогу найти, если ходить целый день... Говорили, что это к войне. Вы знаете эту примету, что много грибов — к войне?

Ю.С.: Слышал.

Б.Р.: Но тут нетрудно было быть пророком, потому что война надвигалась со всех сторон.

Ю.С.: Может, это с тех времен и повелось, или это раньше было?

Б.Р.: Не могу сказать, чего не знаю — не знаю. Но тогда говорили, что много грибов — к войне. Ну, предсказания всегда сбываются, потому что люди учитывают только то, что им нужно учесть.

Я помню, как мы обратно ехали поездом. Ходил паровоз. Вагоны двухосные. Сейчас ни одного двухосного вагона в нашей стране нет, а в Западной Европе есть. Двухосные вагоны. Между ними... Да, вагоны пригородных поездов: проход, лавочки деревянные, с одной стороны три места, с другой два. Сейчас в электричках три и с той и с другой стороны. Там было три с одной, два с другой, тоже деревянные. Вагоны короткие, может быть, метров пятнадцать в длину или четырнадцать, потому что двухосные. Между ними переходные площадки ходят ходуном. Они под открытым небом, но выход на них под навесом. Вот так интересно было переходить из вагона в вагон, я переходил. Там буфера внизу. И вот мы едем в конце августа, видимо, 28 августа, учебный год начинается. И уже туман и озера... Озер там нет, но поля смотрятся как озера, такие серебристые в тумане. И вот я приезжаю в свою квартиру. Она мне после дачи кажется очень просторной, очень. Ну, высота 360 сантиметров. Все прекрасно.

Деревня отразилась в моих тетрадях. Я там писал... У меня отношение к простому народу было несколько высокомерное: я чувствовал себя представителем совершенно другого класса, чем эти крестьяне. У меня отношение было, особенно в эвакуации, смесью брезгливости с жалостью. Когда я видел этих ребятишек оборванных, ходящих босиком. В деревне же одевались все очень плохо. Сейчас этого никто и представить себе не может. Даже молодежь, настоящая молодежь тогдашняя ходила черт знает в чем. Девочки ходили в очень плохой одежде. Но с этим я больше столкнулся уже в эвакуации. А тут, конечно, деревня, она произвела на меня впечатление. Напоминаю, что предыдущее лето мы все-таки не в деревне, а в поселке останавливались: Клязьма, Сходня. Я стал подражать деревенскому быту, акценту. Вот такие выражения типа: «Вантя, тормози лаптёй, дярёвня близко». Я стал писать какие-то сочинения таким вот языком. Ванька у меня там какой-то фигурировал. Дети деревенские, конечно босые, спливые... Вот так примерно.

Значит, 1940 год идет. Нет, 1940-й кончается, наступает 1941-й. Сейчас, когда я вспоминаю первый и второй класс, мне, в сущности, нечего вспомнить, потому что это слилось воедино, ничего особенного я не помню. Вот эти вот тетради у меня сохранились, эти дети. Я думаю, вряд ли кто из них дожил до нашего времени, потому что дети разных социальных слоёв: кого ждала тюрьма, кого — депортация (тех же немцев).

Ю.С.: Вы несколько раз упомянули, что сохранились тетради. А что за тетради?

Б.Р.: Да хоть сейчас покажу.

Ю.С.: Нет, просто скажите.

Б.Р.: Обычные тетради. Там написано все. Это моя домашняя тетрадь, ученика такого-то класса... Там рисунки какие-то, пароход, дым нарисован. Несколько лет я в ней записывал, вроде альбома, как у барышень. А второй такой альбом у меня появился, уже когда я был подростком. Но мы к этому еще вернемся.

Ю.С.: То есть это ваша личная тетрадь.

Б.Р.: Да, личная, конечно. Не так уж много я писал. Должен сказать, что 90% того, что меня интересовало, было проиграно в моём воображении. Мне этого было вполне достаточно. Я жил в мире своих фантастических царств, где я был императором и Великим Волшебником. У меня там была и демократия, и монархия — все, что положено. Все, что я черпал из книг, я помещал в эти свои воображаемые миры, которые были очень похожи на реальные. Иногда они соответствовали даже какой-то исторической эпохе, но не раньше XIX века. Но если это был XIX век, там, конечно, на лошадях ездили, но не более того.

Более раннее — нет. То есть это наша эпоха. Может быть, и будущее тоже, частично. Но мы к этому будем возвращаться еще неоднократно. Я мог часами быть в мире своих фантазий. Я мог ходить по комнате, мог при этом что-то писать и даже рисовать машинально, но это было только бледное отражение того, что делалось у меня в голове. А в голове у меня были целые страны и города, которые жили своей жизнью. Я это все продумывал, так, сам по себе.

Увлечение собаками

Дальше надо сказать, что у нас дома были собаки. Вот об этом стоит вспомнить. Дело в том, что я полюбил собак после того, как побыл в 1937 году у своего конотопского дяди. Дядя мой в Конотопе жил по тем временам неплохо: у него и собаки были, и мотоциклы, причем они менялись. И он своих собак называл в честь марок мотоциклов. Он сменил несколько мотоциклов. У него были мотоциклы марки «Фиат», «Индиан» и «Самбим». Так что не меньше трёх мотоциклов у него уже было в это время, то есть сменилось к 1937 году. И своих собак он называл в честь мотоциклов. У него была сука (или как теперь говорят — девочка), Индианка называлась, была собака Фиат, которая уже умерла до нас, и был при нас Самбим. Самбим, а на самом деле Sun Beat — солнечный луч. По-моему, этот мотоцикл делали даже не в Европе, а где-то в Индии. Вот интересно, что все это как-то проникало в Советский Союз. И мне это очень понравилось.

” Я решил, что у меня тоже будет собака по имени Самбим, а так как две собаки по имени Самбим уже были у моего дяди, я решил, что у меня будет Самбим Первый, в скобках — Третий. То есть у меня они именовались как периодические издания.

В первом приближении мои собаки как цари назывались: Самбим Первый и Самбим Второй. Но так как, если счет по моей семье идет, у меня первая собака была Самбим Первый, вторая — Самбим Второй, а если с дядиными учитывать, то тогда Самбим Третий, Самбим Четвертый. Но надо сказать, этот счет у меня уже после войны появился. До войны еще не было. До войны у нас была сначала собака фокстерьер, тоже Самбим. Знаете, это был щенок фокстерьера, он без всякого поводка за нами бегал по улице. У нас дома он все время что-то глотал. А у меня был конструктор, металлоконструктор, моя любимая детская игрушка. И конечно, там дефицитными оказались гайки и болты, еще и потому, что Самбим их глотал. Часть проглоченных им вещей выходила у него из заднего прохода. Их отмывали, и они возвращались в комплект моего конструктора. Но так же он глотал мамины чулки. Тогда они были не капроновые, а шерстяные. Потом у него из заднего прохода свешивались эти клочья проглоченных, изжеванных чулок. Кончилось тем, что он просто пропал. Он же у нас по улице просто за нами бегал, и кто-то его украл. И потом я, конечно, стал мечтать о второй собаке, и вот уже перед самой войной, весной в 1941 году у нас появился Самбим Второй. Это был шпиц, у дяди тоже были шпицы, а это была помесь шпица с лайкой, и он был кастрированный, его для цирка, оказывается, готовили, и папа мой купил его, кажется, за 70 тогдашних рублей на Птичьем рынке. Без меня купил. Вот у нас появился Самбим. Так как он был кастрированный, он был очень слабонервный, визжал все время, плакал. И он своим хозяином сразу сделал моего папу, а остальных он плохо признавал. Меня он не любил, потому что я его дразнил. Я дразнил так: я брал консервную банку из-под конфет (такие банки были с крышкой, и сейчас у меня есть — вот тут лежит, в тумбе), наполнял её монетами и вот так вот дребезжал. И он, конечно, начинал выть, бедняга, он выл, а я все время его дразнил. Потом я приучил его к слову «сахар», и он на слово «сахар» так же откликался, как и на свое имя: я подавал ему кусок сахара. Потом я это слово стал постепенно изменять фонетически, провел эксперимент, до какой степени он угадывает это слово. В общем, так вот я развлекался со своим псом. Самбим меня, конечно, невзлюбил. А папу он очень любил. Он его любил болезненно и патологически, и когда мой отец возвращался с работы, он так радостно прыгал, так визжал, что в конце концов мочился. Бедный пес Самбим. Но о нем я расскажу дальше, он не пропал, война его не погубила, он пережил её, но с кем, я потом расскажу.

Лето 1941 года в Звенигороде

Ну вот, 1941 год, опять дача. На этот раз мы селимся в Звенигороде. То была Истра, теперь Звенигород, на таком же расстоянии от Москвы. Вы, Юра, представляете себе Звенигород?

Ю.С.: Да-да.

Б.Б. Родман. Крым. Феодосия, 1939 год

Б.Р.: У Звенигорода на другом берегу Москвы-реки есть такая слобода, забыл её название, надо бы сейчас на карту взглянуть. Это такая плоская часть Звенигорода — Звенигород на горах стоит, а это плоская, просто деревня бывшая, видимо, она тогда уже была включена в черту Звенигорода, но имела чисто сельский вид. В настоящем сельском доме мы снимали комнатку. Вот уже 1941 год, июнь, Москва-река, обнажения какие-то, то ли трилобиты, то ли белемниты, что такое там находят, мне показывают. Москва-река, за Москвой-рекой пустырь. Мой отец завел знакомство с местной администрацией. Скорее всего, он там тоже подряжался в качестве чтеца или художественной самодеятельности. Он обычно старался летом куда-то пристроиться, хотя бы на временную работу, там, где наша семья была. И его хорошо принимали. Я помню, как-то я с отцом оказался в тарантасе. Тарантас — это такой экипаж, запряженный лошадей. В этом тарантасе ехал какой-то местный мелкий администратор. Тогда лошадь была обычным явлением в провинции. В сам город Звенигород мы, конечно, ходили. В Саввино-Сторожевский монастырь мы тоже ходили. Он тогда, естественно, не был монастырем, там, скорее всего, было что-

нибудь вроде дома престарелых или что-то в этом роде, но не тюрьма. И вот я не помню, окружная дорога уже, наверное, была построена, большая окружная, — не помню. Но там было еще село Луцино, оно славилось тем, что там делали гитары, все жили производством гитар. Но в советское время это угасло. И вот нам продал мужик одну из последних гитар, за очень низкую цену. И моя мама немного могла играть на гитаре.

” Потом был такой трогательный момент. Моя мама, она плавать не умела. И как-то мы купались в Москве-реке, и вдруг она почувствовала, что умеет плавать, и вот она в первый раз в жизни вдруг стала плавать. И к сожалению, для нее это было последнее такое купание, потому что дальше эвакуация, война. И как-то ей не довелось купаться.

Потом она в Москве жила безвыездно. Вот интересно, что первый в ее жизни день... Она еще тогда неплохо выглядела: она 1897 года рождения, значит, сколько ей тогда было лет? Сорок четыре? Сейчас женщины в таком возрасте... Сейчас я вам могу показать портрет, ну просто настоящая красавица, не скажешь, сколько ей лет.

Ю.С.: Можно сейчас не показывать, а...

Б.Р.: Ну я хоть сам на нее посмотрю. Тогда же не было этого всего, косметики. Ну, были какие-то духи, но этого было мало. ТЖ... Знаете что такое ТЖ?

Ю.С.: Нет.

Б.Р.: Дело в том, что на государственном производстве косметики всегда была марка ТЖ. И даже была частушка такая: «И тут ТЖ, и там ТЖ, целовать где же?» В смысле, что все лицо измазано косметикой. Советская косметика была вот этой вот марки. И вот моя бедная мама (как у французов «*ma pauvre mère*») вот так последний раз выкупалась.

Еще помню такую сцену (прежде чем мы перейдем к самому ужасному, а именно — к войне): я как-то стоял на берегу Москвы-реки в группе ребяташек, а на другом берегу были кусты, и в этих кустах женщина стояла в какой-то необычной позе, которую сейчас принято говорить «раком», и рядом с ней был красноармеец. И ребята смотрели все с интересом. А я спрашиваю: «Ребята, а что там такое, на что вы смотрите?» А они говорят: «Иди, дурак, ты еще маленький, не понимаешь...» Вот такая сцена была. Так что даже уже на одиннадцатом году жизни я все еще был не осведомлен в сексе. В это трудно поверить. И несмотря на то, что я уже много книг прочитал. И вся культура была так устроена, что можно было как-то этого не замечать.

Так вот мы живем. Папа часто приезжает, как только может. Ехать долго, паровой поезд. Но, правда, станция «Звенигород» недалеко от нас была, далеко от города, а от нас не так далеко. Видимо, можно было напрямик пройти, минуя город. Часа полтора на паровом поезде. Поезд ходит раз в два или три часа. Можно было приехать.

Ю.С.: Ну, примерно как сейчас?

Начало войны. Немецкие провокации и советская пропаганда

Б.Р.: Нет... Ну может два часа поезд шел, два часа, наверное. Вокзал тупиковый. Вот июнь наступает, и вот, значит, воскресенье июня... Я скажу, значит, так: выступление, по-моему, Молотова было по радио, не Сталина. Сталин еще в первое время пребывал в шоке, он выступил только 23-го (*Сталин выступил 3 июля. — Ред.*), через месяц после начала войны пришел в себя. Ну, там все это описано, посол

Шуленбург объявил состояние войны.

<...> Хочу сказать так: не мое это дело сейчас говорить за историков, потому что я не хочу, чтобы к моим воспоминаниям примешивалось то, что я впоследствии почерпнул из книг и газет. Поэтому надо быть с этим осторожнее. Во всяком случае, нужно отличать то, что я говорю по своим воспоминаниям, и то, что я говорю под влиянием политинформации.

Значит, у меня задрожали коленки, у меня была сплошная дрожь.

Ю.С.: А где вы были в это время?

Б.Р.: На даче были, в избе. Все собрались у репродуктора. Репродукторы же были в доме и на столбах. Все волнуются. Повторяется эта передача несколько раз, естественно. Ведь когда война началась, мы еще спали, но к часам к 11–12 дня уже все было ясно. Все волнуются. Но я хотя ребенок, я чувствую этот накал, у меня дрожь, у меня дрожат коленки, целый день они дрожали, я переживал: ну что же будет дальше? Потом, через некоторое время появляется отец. Мы там были целый месяц еще, до конца июля. Целый месяц мы продолжали жить на даче. И в это время уже начались налеты на Москву, уже были воздушные бои, я уже видел трассирующие пули. Это так красиво ночью, вот это все. Отец уже стал приезжать к нам. Я сейчас не могу точно сказать, один раз он к нам приехал или несколько раз. Я знаю такую деталь, что железнодорожное сообщение со Звенигородом прекратилось, и мой отец вынужден был приезжать в Истру, а из Истры шел пешком двадцать или шестнадцать километров, чтобы попасть к нам.

Значит, нам уже надо возвращаться. Что дальше делать? Возник такой план: отец остается в Москве, а меня отправляют в эвакуацию вместе с мамой и нашей теткой — Марфой Михайловной Ткачевой, той условно старой большевичкой, которая стала таковой в 1919 году, которую вели на расстрел вместе с её любовником. Любовника расстреляли, а она осталась жива. Стала соратницей Розалии Самойловны Землячки, а потом была чиновником наркомата, народного комиссариата земледелия. И вот, значит, решено было, что отец остается в Москве, в частности, жилплощадь беречь, потому что такую жилплощадь терять — она дороже жизни для каждого из наших людей... Вот я смотрю на портрет этой красавицы, которая у меня тут перед глазами, так что извините, немного отвлекаюсь.

Ну так вот. Примерно через месяц после начала войны мы покидаем жилище. Целый месяц мы там дотянули. Карточек еще не было тогда, остатки продовольствия какие-то были. И вот крестьяне как рассуждают... Да, и вдруг мы видим листовки немецкие. Я не могу сказать, что они прямо к нам на голову их сбросили, но они как-то ходили по рукам, сброшенные с самолета листовки. «Русские люди, не волнуйтесь! Мы против жидов и коммунистов! Ничего вам плохого не будет... освободим вас от колхозов...» В общем, такая правильная агитационная листовка, и крестьяне, конечно, на это клевали, потому что (я сейчас это утверждаю с полным знанием дела) миллионы людей ждали прихода немецких оккупантов в надежде на то, что их жизнь улучшится. С разных позиций ждали. Одни — потому, что ненавидели колхозы, пострадали от Советской власти, или от нее пострадали их родственники. Другие не прочь были поживиться за счет соседей. В деревне поживиться за счет соседей это одно: захватить избу и имущество. А в городе это жилплощадь.

” Все были настолько измучены жилищным кризисом, все надеялись на то, что если среди соседей есть евреи, коммунисты или семьи военнослужащих, им за донос на них дадут их жилплощадь. Конечно, это был очень важный стимул.

И даже наши соседи по коммунальной квартире... Наш староста Федор Николаевич Хазов, крестьянского происхождения, говорил отцу: «Ну что, Борис Иосифович, хозяин идет!» Они тоже думали, что вот они ютились в ужасных комнатах тесных, а наша семья занимала две комнаты, высокие и светлые.

Ю.С.: Но вы же не евреи и не коммунисты.

Б.Р.: Ну и что же? Но мы же считаемся таковыми. Допустим, если я не еврей, то кому я это буду доказывать, кому объяснять, результат же будет только обратный. Так зачем тогда? А кто мы на самом деле ГБ, наверное, знает там всё. Потому что когда при поступлении на геофак встал вопрос, он разрешился в мою пользу, при поступлении на геофак, видимо, там выяснили, но это неважно. А потом, я хочу сказать, это совершенно не важно, еврей ты или не еврей, важно то, в кого тебя запишут, и что будут делать твои соседи. Ведь я хочу сказать, что явными инициаторами холокоста в Восточной Европе были местные жители, славяне. Немцы просто рот разинули, когда увидели, как эти местные жители сами продолжают традиции Богдана Хмельницкого и кого-то еще. Так они этот процесс упорядочили, потому что, я думаю, вначале самому Гитлеру и не снилось, что можно так все сделать. Он думал, что можно просто выгнать из Германии... Я, конечно, нисколько Гитлера не оправдываю, но потом они, конечно, внесли порядок в этот процесс. Тот же Бабий Яр. Кто составлял списки, кто? Что, немцы разбирали, кто есть кто? Они же поручили это местным жителям. Ну так вот, короче говоря, что нам запомнилось и что, конечно, мою маму как советскую патриотку очень смущало, она очень возмущалась. Когда наши хозяева сказали: «А что нам немцы? Немцы нам не враги. А мы им самоварчик поставим...» Такие вот были разговорчики.

Мне думается, что если бы не провокация с обеих сторон, если бы у Гитлера была другая несколько политика, результат мог бы быть другим. Но что было, то было, в общем, конечно, очень здорово получилось. Но я еще что хочу сказать: у нас как людей достаточно распропагандированных советской пропагандой никогда не было ни малейшего сомнения, что эта война закончится нашей победой. У нас не было такого сомнения и когда немцы подошли к Москве. По газетам мы все-таки знали (уже находясь в эвакуации), что немцы под Москвой стоят рядом. И когда немцы потом, год спустя, наступали на Кавказе до такой степени, что их передовые отряды до Каспийского моря уже как бы прорвались, у нас не было ни малейшего сомнения... Я должен сказать, что эта часть пропаганды советской, она, конечно, сыграла очень позитивную роль.

Ю.С.: И как вы выехали в эвакуацию?

Б.Р.: Да, это очень интересно. И вот я уже видел эти воздушные бои, эти трассирующие пули над нами. Уже какое-то как бы зарево, не то что пожары Москвы, но что-то горело там. Москва не очень пострадала от налетов, не очень: несколько пустых мест, несколько домов. Да, там же дежурили на крышах, и мой отец тоже дежурил. Организовано было затемнение. Дело в том, что перед этим были учения, народ был подготовлен к затемнению. Народ был дисциплинирован. Почему-то у всех появились шторы из плотной темно-синей бумаги. По-видимому, их выдавало домоуправление. И наши огромные окна были хорошо, прекрасно занавешены шторами из синей бумаги. Если ты не соблюдаешь затемнение, к тебе, конечно же, придёт сейчас же милиция, тебе нагоняй будет. Дальше, у нас во время войны отобрали телефон и радиоприемник. Мы наслаждались телефоном не более двух лет. В 1939 году у нас в квартире сделали телефон. Не квартирный, а личный телефон в комнате, отдельно от соседей. Как сейчас помню номер: И-1-77-99. Буква «И» соответствовала этому сектору Москвы. Отобрали и радиоприемник, с тем, чтобы после войны вернуть, но никто, конечно, его не думал возвращать, и телефон никто не возвращал. И так много-много десятилетий у меня не было телефона в квартире, вплоть до нынешних дней. А до войны у нас уже был телефон.

Эвакуация из Москвы в Омск

Все, отец нас забирает. Грузовая машина. Мы тогда ездили на дачу в открытом грузовике, сидели сверху, на вещах, а кто-то сидел рядом с шофером. По-видимому, я все-таки сидел рядом, может быть, на коленях у отца, видимо, в кабине. И вот мы едем по Минскому шоссе, которое уже тогда существовало, уже было построено рядом с Можайским. Какая-то пробка возникает, не то чтобы машин много, но в связи с войной: кто-то же едет на фронт... Но все-таки нас пропускают. Мимо проходит караван легковых автомобилей, в них сидит человек какой-то очень знакомый, в шляпе. Мне отец говорит: «Смотри, это Берия». И вот во время этого затора, когда мы ждали, пока эти машины пропустят (нас остановили), мимо нас проехал Берия. Берия направлялся в сторону фронта. Это было в конце июля. Фронт был где-то далеко

еще.

Вот приехали мы в свою квартиру. Сейчас деталей не помню. Первый пункт сбора у нас был на площади Маяковского. Как называется этот сад? У нас есть сад «Эрмитаж», а этот как назывался, на площади Маяковского? Жаль, у меня сейчас нет под рукой...

В Москве были парки, куда был иногда платный, иногда бесплатный проход. А еще были так называемые сады. Был сад «Эрмитаж» и еще как-то.

Ю.С.: Он до сих пор существует, забыл сейчас.

Б.Р.: Вот это был первый пункт сбора. По всей вероятности мы до него ехали на троллейбусах.

Ю.С.: Сбор в эвакуацию?

Б.Р.: Да. Первый пункт сбора был под эгидой Наркомзема — народного комиссариата земледелия. Там мы собрались.

” Вещей было много: до 50 килограммов на взрослого человека. Интересно, что среди багажа было много книг: книги считались необходимой частью жизни.

Конечно, дальше это были постельные принадлежности, объемистые, и не только подушки, но и матрасы. Шмотки, конечно. Посуда кухонная, видимо так. Все было организовано. И с этими огромными чемоданами (очень большие тогда были чемоданы, у меня под кроватью еще лежат) мы погрузились на грузовые машины, и колонны поехали к зданию Народного комиссариата земледелия, которое находится на Садовом кольце. Кажется, это здание построено под влиянием другого здания, которое у нас строил Корбюзье. По-моему, Корбюзье у нас построил здание Статистического управления, а это, в том же стиле, уже наши архитекторы построили. Но больше всего мне нравился там лифт-конвейер, патерностер по-западному. Это лифт, который состоит из цепи кабин, которые движутся непрерывно, а кабины не имеют дверей. Вовремя надо вскочить, но это все безопасно: ну прыгнешь, может быть, на метр вниз. Конечно, нужно ловко выходить на первом этаже... на последнем. Если на последнем этаже не выйдешь, это не значит, что ты перевернешься вниз головой, нет... Я с тех пор не был в этом здании, ни разу, я не знаю есть ли там этот лифт, почему я о нем ни разу не слышал. Но до этого я там бывал.

А теперь нас направили в обширное бомбоубежище — подвал. Были же бомбоубежища к этому времени построены, к войне готовились очень основательно. Огромные помещения под землей, и мы там ночевали, по-моему, хотя бы одну ночь. Все расстлали свои матрасы на полу, вокруг было полно людей, детей. Отца своего я при этом не помню: видимо, мы с ним уже распрощались. И там мы недалеко от вокзала ждем отправления. И дети уже играли в воздушную тревогу. Они какие-то табуретки таскали и говорили «у-у-у». Ребенок тащит вперед табуретку, другой изображает самолет, воздушный бой, то есть дети все это усвоили быстро. И вот нас организовано оттуда везут на вокзал, по всей вероятности, Казанский, и грузят в эшелон, поезд, состоящий из товарных вагонов. Товарные вагоны старого типа, двухосные, которые у нас назывались «столыпинскими»: 40 человек, 8 лошадей. Открываются широкие двери с двух сторон, ворота такие. Когда закрывают ворота, там темно, но есть форточки наверху, четыре форточки. Кроме того, иногда на стоянках, в пути эти двери открывались. Туалетов, конечно, никаких там нету. И вот мы двенадцать дней едем в Омск из Москвы. Я, моя мама, моя тетка Марфа Михайловна Ткачева и её сын, который родился в 1937 году, то есть он был моложе меня на шесть лет, значит, сколько ему тогда было?.. Да, только четыре года. Появился при мне такой маленький брат двоюродный, который, конечно, сыграл роль в моей жизни. Появилось существо, которым я мог командовать, над которым я мог доминировать. Мне же в жизни этого не хватало, доминирования. Какое доминирование? Меня терзает мама, слабовольный отец, который, видимо, ничего не может поделать с буйным нравом моей мамы, которая чередует буйные ласки с буйной руганью. Это, конечно, мои нервы расшатало. Но это психологи

в этом разбираются.

В отличие от моей мамы, её сестра старшая была менее хорошенькая, она была просто некрасивой, но у нее тоже была бурная личная жизнь. В 1920-е — 1930-е годы она не считалась ни с какой моралью. Куда делся отец этого мальчика, неизвестно. У него было отчество — Юрий Сергеевич, он и сейчас жив. У нее был еще старший сын Игорь, которому к тому времени было шестнадцать лет. Где он был в этот момент, она не знала. Он пропал без вести, больше я ничего о нем не слышал, куда он делся. Может, эвакуировался с каким-то детдомом, хотя имел мать. Ничего мы так о нем и не знаем. Пропал, и все. Такая вот небрежность. У нее было много мужчин, разные дети, некоторые умирали...

И вот мы едем. Почему поезд шел так медленно? У него было много стоянок. Некоторые стоянки тянулись целые сутки, мы из поезда выходили. Каких-то городов, поселков, в которых мы выходили из поезда, я не помню, зато помню природный ландшафт. Когда мы пересекали Урал, я помню гористую местность. Какой-то ручей среди камней, и мы в этот ручей ходили мыться. Холодной водой терли как-то, мылом, в общем, слегка подмывались. Когда поезд шел, я стоял и смотрел в форточку беспрерывно. С утра до вечера не пропускал ни одной минуты. Мне из чемоданов сделали такой помост, и я стоял, смотрел.

Ю.С.: Но в вагоне ведь было много семей, не вы же один?

Б.Р.: Да, много было семей. Что же я делал в остальное время, когда поезд стоял, и мы открывали двери? В вагоне становилось светло, и я читал роман Джона Стейнбека «Гроздь гнева» в «Роман-газете». Вам известно такое издание — «Роман-газета»? Как только какое-то произведение появлялось, переводное или отечественное, его публиковали в этом толстом журнале. Напечатано в две колонки на каждой странице, формат большой, и на газетной бумаге. И вот в 1939-м, году только Стейнбек написал свой знаменитый роман, в 1940-м он был у нас переведен. И я его читал. Я читал его очень внимательно. Я познакомился с жизнью в Соединенных Штатах. Меня меньше всего интересовала личная жизнь и психология героев, но больше всего интересовали быт, бытовые подробности: как они ехали, эти пакеты с молоком, что-то еще, чего у нас не было. И немножко сексуальных подробностей, в которых я еще не очень разбирался. Например, один герой сказал: «Вот я здесь первый раз с девчонкой лёг...» Уже мой ум детский ловит это высказывание. Такие вещи, они не забываются, все это мотается на ус. Так что я хорошо изучил этот роман. Для меня очень интересно было все.

” Я к художественной литературе подходил, по сути дела, так же, как к научной. Меня интересовали факты, инфраструктура, как люди живут, вообще все, а не просто я хотел узнать, чем кончится и кто с кем в конце концов куда уедет или поженится. Не это для меня было главное.

И конечно, очень колоритное было в моем воспоминании описание засухи, этой экологической катастрофы, которая совпала с Великой депрессией в Соединенных Штатах. Они в Калифорнию, по-моему, поехали. Ну а там как сложилась судьба героев, я не помню, это в моей памяти не удержалось.

И вот, значит, стоя у форточки, я заметил надпись «Европа—Азия». Это же одно мгновение, но я заметил. Я понимал тогда уже, что граница Европы и Азии проходит здесь. Сейчас её считают совершенно ненужной, чисто фиктивной. Но вот в Оренбурге, как мне рассказывала Таня Герасименко, выделили деньги на уточнение границы Европы и Азии. То есть местный географ сумел добиться, чтобы Географическое общество ему выделила на это деньги, чтобы уточнить границу между Европой и Азией. Вот пример того, какая у нас сейчас власть и что теперь финансируется. Конечно, ему пришлось это дело раздуть и подать так, будто это имеет какое-то научное значение.

Проезжаем мы Свердловск, прибываем в город Омск, который стал для меня родным надолго. Железная дорога прошла от него в двенадцати километрах к югу. Тогда это большим расстоянием считалось от центра города. Тогда город не особенно рос на юг. На том месте был даже хутор, то ли Атамановский,

то ли какой-то еще. Как принято говорить, из-за того, что недостаточно взятки дали проектировщикам железных дорог, они в соответствии с небольшим размером взятки провели железную дорогу не через центр города. А центр города — это устье, где река Омь впадает в Иртыш. На правой стороне реки, в том месте, где впадает в Иртыш с востока река Омь, крепость. Историческое ядро города — крепость. На левой стороне больше пристани разные. И вот к этому месту, к центру города проведена городская ветка, железнодорожная линия длиной одиннадцать километров, от вокзала. Она всю использовалась, во-первых, товарными поездами, которые к пристани подходили, во-вторых, по ней ходили пассажирские поезда. Нас всех пересадили с товарного поезда в пассажирский и повезли по этой ветке длиной одиннадцать километров в центр города, хотя в Омске был и трамвай. Сейчас этой ветки давно, конечно, нет.

И вот наш пассажирский поезд подали в центр города по этой ветке. Я уже не могу точно припомнить, как мы перевозили наши вещи. Наверное, грузовики были поданы. В юго-восточной части Омска, среди множества кварталов, застроенных исключительно частными односемейными домами, было здание школы, деревянное, двухэтажное, хорошее здание, дореволюционное: с просторными светлыми залами и высокими окнами. И вот там большую толпу эвакуированных поселили, в одном зале. Конечно, не всех. Там распределяли по спискам, мы попали туда...

Ю.С.: А в вагоне, пока вы ехали эти двенадцать дней, какие-то знакомства завязались?

Б.Р.: Возможно, у моей матери или тетки, у меня никаких. Никаких детей, с которыми там познакомился, я не помню. Также не помню никаких взрослых, с которыми, возможно, вступали в контакт мои более общительные мама и тетя. Никого.

Разместили нас. И вот большой зал... А там и книги кое-какие появились, ведь была же библиотека школьная или какая-то еще. Мы лежим, значит, все — как-то разместились на матрасах. Каждый кормит своих детей. Мне запомнилась такая сцена: еврейская семья и там какой-то Мишенька, очень капризный. Мама его заставляет кушать, а он кушать не хочет. Она несет котлетку к его рту, а он не хочет. Она говорит: «Мишенька, если ты сейчас не съешь эту котлетку, я отдам другому мальчику!» И Мишенька тогда эту котлету ест. Ну, в общем, такая вот картина.

И вот мне попадает какая-то книга, что-то связанное с востоком, с Азией, на русском языке, естественно. И в этой книге — двести страниц на четырнадцать восточных языках, которое мне запомнилось на всю жизнь. Две строки: «Хар яр каранлык, фур нур у мавке, Магриб ну юкса-макбар му я ран». Ну, Магриб слово знакомое, означает Запад. И смысл такой, что вся Земля покрыта мраком, светится лишь одна точка на Западе. Там было сказано, что это написано на тринадцати или четырнадцати языках, потому что слово «юкса-макбар» пишется через дефис, это слово, видимо, из тюркского языка, но там были какие-то и нетюркские языки, видимо, фарси или что-то еще. Вот в память на всю жизнь врезаются отдельные какие-то фразы.

Ю.С.: А перевод на русский не помните?

Б.Р.: Нет. Я пытался найти в интернете. Там-то был перевод, я его забыл. Там какая-то женщина, какая-то любовь, она какую-то могилу находит, или своего возлюбленного, или чего-то еще... Мне самые разнообразные книги попадались, и кое-какие фразы из них запоминались.

Ну, как видите, эвакуация была организованно проведена, ведь мы жечто-то ели в это время. Я не могу сказать, что мы голодали. Очевидно, нам что-то давали, какой-то паек. О том, что мы это получали в каком-то магазине, не может быть и речи. Я совершенно этого не помню. Совершенно я не помню, что мы ели, кто нам раздавал пищу. Ведь не могли же мы ходить в какой-то магазин, тем более когда ехали в эшелоне двенадцать дней. Но тем не менее я не помню, чтобы я голодал или болел. Я в детстве не любил есть, меня заставляли, пичкали. Во время войны дело другое. Во время войны у меня был аппетит, я все нормально ел. Забегая вперед, хочу сказать, что годы войны были самыми яркими в моем детстве. Почему яркими? Потому что менялась обстановка, менялись люди, новое все. А годы обучения в Москве в школе, хождение ежедневно в московскую школу, как до войны, так и после, были

самыми мрачными и тягостными в моей жизни. Мне в школе было неинтересно, потому что я полученные учебники сразу прочитывал, до начала учебного года. Учителя, как правило, были по своему уровню ниже учебников. И за это их нельзя упрекнуть, потому что учебники писались учеными, педагогами видными, а учителя... Мне было не нужно то, что говорили учителя. Правда, кое-что, чему нас учили в младших классах, было нужно, конечно. Чистописание, навыки. Навыки — да. Но знание — нет. Я хочу сказать, что знания, полученные мной в школе... Учителя мне представлялись совершенно лишними в этом процессе. А ученики и окружающие тем более, они только мешали усвоению знаний, дисциплины. Шум и гвалт. Но все-таки я хочу сказать, что в первом и втором классе атмосфера была мягкая: ни дедовщины, никаких издевательств, драк, ничего такого я не помню. Меня никто не обижал в первом и втором классе. В старших тоже не очень. Там немножко иначе.

Жизнь в Омске

Ну вот, значит, осень. Осень всегда в Сибири (по крайней мере, в годы, пока я там был) хорошая. Всегда теплая осень. Всегда такая прекрасная, затяжная осень. И август чудесный, и сентябрь, и октябрь, до наступления зимы очень хорошая всегда, приятная погода. И вот еще только август, тепло, жара. Нас распределяют по квартирам. В Омске на 98% был частный сектор, односемейные дома. Нельзя сказать, что сельского типа, но хотя бы по две комнаты в каждом. Высокие заборы, кварталы метров по 150. В глубине квартала огороды, обязательно огороды. Дома стоят на улице, деревянные высокие заборы, за которыми ничего не видно. Допустим,ходишь во двор. Справа дом, слева сарай. Там могут быть и свиньи, могут быть и коровы, если есть куда их выгонять. И вот в более северной части Омска, к северу от реки Омь, нас поселили: улица Луначарского, дом 8. Короткая улица. Названия улиц были стандартные. Улиц имени Сталина не было в советское время, к вашему сведению. Улица Ленина, конечно, главная. Главные улицы, которые выпадали из этой системы прямоугольных сеток, назывались иначе: улица Ленина (бывшая Любинская, главная улица Омска, идет с севера на юг), потом Третьего Интернационала (сейчас она, конечно, иначе называется). Там, конечно, Фрунзе, Куйбышев — в общем, весь иконостас советский. Дальше это же все исчерпано, а улиц много. Начинаются улицы Комсомольская, Профсоюзная, потом уже Жилкооповская. Потом, когда все это исчерпано, начинается нумерация: 11 Ремесленных, 27 Северных, 10 или 12 Восточных. Нехорошо, в общем.

Трамваи в Омске ходят. Хороший трамвай, связывающий северную и южную часть города. Вскоре, по случаю войны, половину маршрутов отменили, но главные оставались. Трамвай, который связывал центр города с железнодорожным вокзалом, не был отменен во время войны. Трамваи хорошие, двухвагонные поезда, типа коробочек. Построены году в 1935-м — 1936-м. Называется трамвай ОГЖД — Омская городская железная дорога.

Омск славился своей пылью. Это был город чудовищно пыльный. Но в начале XX века, еще до революции, там взялись за дело и сделали множество прекрасных городских парков, не меньше семи во всяком случае. Очень просторные, прекрасные городские парки. Сделали мостовые. Поэтому в то время, когда я был в Омске, он уже не так страдал от пыли, как это описано в книгах. Но, конечно, город пыльный.

Большинство улиц нецентральных не были мощеными, значит, были пыльными. И вот улица Луначарского, не мощеная, но коротенькая, в северной части города. Нас поселяют в семью. Там никого не спрашивали: как приказано, так и поселят. Кстати, если человек временно попадал куда-то, в командировку, или ему негде было ночевать, проблем с ночевкой не было. Гостиницы были не нужны. Власть распоряжалась, и тебя куда-то отправляли ночевать, и никому ты за это не платил. Так полагалось. Не было даже речи. И вот когда мы там жили... Мы даже не назовемся квартирантами, мы же ничего

не платили. Мы получили вчетвером комнату, десять квадратных метров, ужасно тесную. Хозяева занимали комнату побольше — метров 25. Вот и все. Хозяева: женщина работала в магазине или в пекарне, она принесла какие-то булочки, у нее не было проблем с едой, и нас угощала; её дочь Манька лет четырнадцати и сын Федя, более взрослый. Не знаю, почему он не в армии еще был, но сейчас всего не вспомнишь. Настоящий двор, сарай, в котором были свиньи или кто-то еще. Огород, на котором растет картофель. Все это интересно для меня. Конечно, не были хозяева довольны тем, что нас вселили, но что же им было делать. Время было такое, никто не смел перечить. Всех так распихали, всех эвакуированных к кому-то вселили.

Учеба в омской школе

Наступает 1 сентября. На северном конце коротенькой улицы Луначарского находится прекрасное здание школы, кирпичное, типовое, советское. При школе сад. Раньше при школе всегда был сад, если позволяли условия. Настоящий школьный сад. Здание школы — этажа три, кирпичное, типовое. Я иду в третий класс. Дети самые разные. Половина эвакуированные, половина — местные. Очень полезная, так сказать, смесь для культуры. Класс приличный: никакой дедовщины особенно не было. Ну были какие-то немножко издевательства. Издевались над одним мальчиком, который был последний, как всегда, в каждой иерархии детей. Мальчик был слишком толстый. Поэтому его зажимали в углу, становились и кричали: «Сало жать! Сало жать!» Вот так встанут мальчиков человек десять и качаются: «Сало жать!» А его ставили в угол между печкой и стеной. Я не помню, чтобы меня кто-то бил, чтобы хоть раз кто-то ударил, не помню.

Девочки, значит... Уже мой возраст такой, что к девочкам внимание, так сказать, в большей степени приковано. Самой красивой девочкой, такой кукольной красоты, в нашем классе была Элеонора Пельдсаар, дочь эстонского генерала, который своевременно вошел в Красную Армию. Правительства Советских республик Литвы, Латвии и Эстонии тоже были здесь, в Омске. Нужно сказать, что государственные департаменты распределялись в эвакуации следующим образом: министерства, наркоматы, наиболее необходимые для войны, были в Куйбышеве (Самара), также говорят, что-то было и у Сталина, не знаю, место эвакуации или бункер. Следующий эшелон — уже Омск или Свердловск. И кое-какие министерства и ведомства, то есть, прошу прощения, народные комиссариаты, — они даже в Новосибирске были. Вот у нас, значит, было много наркоматов, не очень связанных с войной. Наркомат земледелия и правительства балтийских республик. Советские правительства.

Но я, так сказать, положил глаз не на эту девочку, а на некую Татьяну Гладченко. Она была местная. Вид у нее был патриархально-мещанский: немножко полная, немножко томная. Она как-то куталась в шаль. Я уже тогда себе представлял, как бы хорошо мне с этой девочкой быть в одной постели. Я тогда еще толком не понимал, что такое половой акт, но тем не менее хотелось чего-то такого. Я уже к тому времени читал кое-какие книги, например, читал Мопассана однотомник. И там даже есть такое выражение: «Ты спал с ней!» Там какая-то сцена. Я уже понял, что мужчины и женщины, когда они друг друга любят, что-то такое делают в постели. И вот я себе представлял, как бы мне хорошо с этой девочкой спать. Интересно, что опыта родительского здесь не было: мои родители никогда в одной постели ни при мне, ни без меня не спали. Никогда. У нас было две комнаты, мы спали в разных комнатах: папа в первой, которая по-старому называлась столовая, а мы с мамой — в другой, которая называлась спальня. Поэтому когда мои родители занимались сексом, я этого не видел, не знал. Я по наивности думал даже, что они это дело давно прекратили, хотя я от мамы узнал, что дело обстояло совсем наоборот.

Мы начинаем уже изучать новые предметы: историю и географию, которых не было в начальных классах. Значит, мы получаем учебники — бесплатные, казенные учебники, я их сразу все прочитываю. Сразу. По гуманитарным предметам. То, что рассказывали учителя, мне уже было неинтересно, потому что любой учитель, он же ниже учебника. Потом не может же он все рассказать. А учебники были фундаментальные. У меня, может быть, в чемоданах они сохранились, но если говорить об учебниках истории, скажем, до старших классов, там же мелким шрифтом, там была еще история периферийных

стран мира, которую никто не изучал. Юго-Восточная Азия, Китай и все. Но мы Европу в основном изучали. И картинки прекрасные, все картинки в учебниках истории я прекрасно помню, все они запоминались. Значит, учебники. Учебники играли в моем просвещении очень большую роль.

Ю.С.: А учебники химии, физики, математики?

Б.Р.: Пока нет физики и химии в третьем классе. Мы до этого дойдём. Мои отношения с физикой и химией были нехорошие, но это мы еще... далеко до этого. Мы пока еще в третьем классе. История уже есть, география есть. Уже атлас географический. Значит, девочки, мальчики.

На меня оказал большое влияние эвакуированный из Ленинграда школьник Сергей Школяр, еврей. У него даже был адрес: Школьная улица. Где у нас Школьная улица в Петербурге, я не знаю. Он жил от меня недалеко, в сфере этой же школы. Да, значит, от моего дома до школы было расстояние сто метров, не больше. Это позволяло мне никогда не носить пальто в школу, мне не нужна была раздевалка школьная. Я бегал просто. Ну что, сто метров пробежать разве трудно? В любую погоду я без пальто бегал в школу, мне это очень нравилось. Но шапка у меня была. Школа очень прилично внутри выглядела: стандартные классы, высокие помещения, светлые окна выходили на юг, как положено. И вот Сергей Школяр. Он жил от меня, может быть, не больше, чем в километре, немножко дальше от центра. Я к нему в основном ходил, потому что он был выше меня в смысле эрудиции. Я за ним тянулся. У него были очень интересные книги, которые он мне давал. Этих книг было немного, но они оказали огромное влияние на меня. Они были для меня первым университетом. Да, что потом стало с этим мальчиком, я только недавно в Интернете узнал: он умер в году 2003-м или 2004-м, он был специалист по восточным языкам или по древней Вавилонии, России, что-то такое. То есть сугубо филолог, гуманитарий, он стал, кем и должен был стать, он им и был и всю жизнь жил в своем родном любимом Петербурге, то есть настоящий представитель питерской интеллигенцией. Этот мальчик и тогда был очень рассудительным, интеллектуальным, совершенно интеллигентным. В десять лет абсолютно было ясно: настоящий интеллигентный мальчик из интеллигентной семьи. Я, конечно, был под его влиянием. Правда, там хозяин дома тоже был какой-то изобретатель, и он строил какие-то воздушные флюгеры или мельницы во дворе, что тоже было интересно.

” И вот от него я получил две или три книги, которые оказали на меня огромное влияние. Одна книга по истории техники и быта. Называется «Рассказы о вещах», а другая называлась «Люди и горы».

Книга «Рассказы о вещах», кажется, Ильин или Ильин и Сигал, мы это потом проверим. Это вся история техники иллюстрированная, очень толстая книга большого формата. Как появились часы, мельницы, железные дороги, все это я на 100% усвоил, все это для меня было интересно. Так что всю историю техники в XIX веке с точностью до пяти лет я знал в детстве. Я никогда не могу поверить, если кто-то мне скажет, что царь Николай I позвонил по телефону. Не было еще этого тогда. А телеграф примитивный был, еще без Морзе, так что когда только появилась азбука Морзе... Вся эта история с железными дорогами, этот Джордж Стефенсон, о Черепанове нашем тогда еще не было ничего известно. Не было этой компании о приоритете нашего изобретателя. Все это было мне известно. Первая железная дорога Стоктон—Дарлингтон когда была построена, и Рудольф Дизель, и вообще все, абсолютно все было мне известно. И паровая машина Уатта, и до этого роль часов, мельниц, изобретение пороха, бумаги. Вот эта вот сторона. Другая книга «Люди и горы», по-моему, тоже Ильин и Сигал. Это история земледелия, история сельскохозяйственной науки, экспедиция Вавилова, родина пшеницы, Афганистан, Южная Америка. В Южной Америке запомнились четыре вида плодов: чайот, аннона, улюкко и папайя. Теперь, когда побывал в том числе и в Южной Америке, я познакомился с анноной только в Португалии. Действительно, это очень вкусный фрукт, изумительно вкусный. Но даже в Португалии их трудно было достать, они, видимо, там не растут, потому что когда я кинулся во второй раз... Мы же не пойдем специально искать уже ни в каких лавках, магазинах — нет её, этой анноны. Аннона, конечно, восхитительна, но не могу передать её вкус. Что касается остальных... Папайя — не знаю, сталкивался

я с ней или нет. Теперь, значит, табак, кофе, все эти истории: и как их возделывали, и как их пили. И картофель. Так что все мне было известно. И что из Америки к нам пришло.

Две такие книги. Третья книга — Максвелл Рид «Следы на камне», это палеонтология. Уже этой зимой 1941-го — 1942 года я знал геохронологическую колонку: период Кембрийский, Силурийский, Девонский. Ордовик тогда не выделялся. Каменноугольный, Пермский; Триасовый, Юрский, Меловой, Третичный и Четвертичный. Вот это мне уже было известно. Тут уже палеонтология. И наконец, мне купила мама по моей просьбе — мы же в книжные магазины все время заходили, и я смотрел, что там продается. Книга называется «Кружок юных фенологов и фенометеорологов». Тоненькая такая книжка бумажная. Я начал вести наблюдения за погодой, то есть записывать хотя бы только температуру, термометр же у нас был. А потом уже можно было показывать направление ветра, все такое. Я это записывал регулярно в тетрадочку. И классификация облаков, я на латинском языке усвоил. В единственном числе это Cumulus, Cumulonimbus. Там облака трех ярусов: нижнее Cumulus, Cumulonimbus, потом верхнее — это Altostratus, высокослоистые Altocumulus, высококучевые, — все это я знал, эти три слоя облаков и их латинские названия. Эти книги — почти университет. Три-четыре книжки. Все естественные науки и техника были прекрасно охвачены языком, доступным ребенку, научно-популярная литература. Иллюстрации, конечно, не цветные. Теперь художественная литература. Главной книгой художественной у меня была «Дон Кихот Ламанчский» в обработке для детей, не академическое издание, то есть опять же где нет секса, нет стихов, всяких рыцарских церемоний... Потому что настоящий Дон Кихот очень сложный по своей структуре, толстая книга. А эта для детей, но хорошо была сделана, очень хорошо адаптирована для детей. Из художественной литературы это Ги де Мопассан, однотомник. Мопассана я начал читать уже в десять с половиной лет и закончил его читать уже в двенадцать. Этого достаточно для внешкольного образования. Плюс школьные учебники, так что, я считаю, что очень много получил.

Кроме Сережи Школяра был еще какой-то Коряков. Простонародный мальчик, приятный такой, не агрессивный. Я всегда держался в стороне от хулиганов, потому что все мальчики с нормальным мальчишеским поведением, они мне представлялись хулиганами, и я от них держался подальше. Такие, которые любят ударить или что-то еще.

Интересно, что той же золотой осенью конца 1941 года нас перевели на время в другую школу. Возможно, наша школа была занята под эвакуогоспиталь или еще что-то. Видимо, с этим было связано. Нас не меньше, чем на месяц перевели в школу, где обучение было в три смены. Там-то я учился во второй смене, но недолго. Опять же недалеко, километра два от нашей школы. Интересно было идти по улицам. Потом там же прямоугольная планировка, в Омске, очень интересно, что можно было идти от дома до школы огромным количеством способов. То есть ты можешь вот так, вот так, эти кварталы пересекаются. Это тоже меня занимало. Меня стала занимать всякая геометрия. У меня были линейки, транспортир. Готовальни еще не было, но линейка, транспортир. Может быть, транспортира еще не было, но угольники были. Меня это очень занимало: рисовать всякие линии, прямые пересекающиеся и наделять их своими фантазиями. Заработал мой фантастический мир, в котором я жил в качестве Великого Волшебника, в котором у меня были свои подданные, свои государства, и все это связано было с той информацией, которую я получал в книгах. Я скажу, скучно мне не было, хотя занимался в основном умственной деятельностью, работой это не назовешь. Плюс, конечно, движение от быстрой ходьбы по городу, по этим кварталам, я ходил очень быстрым шагом, почти бегом.

Условия жизни

Ю.С.: А в доме какая обстановка была?

Б.Р.: Обстановка в доме такая. В комнате в этой я сидел, конечно, мало. Всегда бегал по улице, это нормально для ребенка. Сидеть с утра до вечера, как я сейчас сижу, в комнате в десять квадратных метров, где нас четверо, — это, конечно, немислимо. У нас же двор был. Кроме того, мы из этой комнаты выходили в общее помещение: у нас была очень просторная кухня, где мы общались с нашей хозяйкой. У меня фамилии путаются, я не знаю, кого там фамилия Строгинова, — то ли там, то ли в деревне, —

но какая-то простая русская фамилия. Хозяйка не очень была нами довольна. Хозяйка потом почему-то вообразила, что я влюблен в ее дочь, которой было четырнадцать лет, но это неправда. Ей почему-то так показалось.

Ю.С.: А сыты были?

Б.Р.: Никакого ощущения голода не было. Если простую пищу: картошка вареная или жаренная на масле, даже не подсолнечном. Нам все время в качестве пайка подбрасывали некоторые экзотические для наших дней продукты: соевое масло, рыжиковое масло.

Ю.С.: Второе какое вы назвали?

Б.Р.: Рыжиковое. Я не знаю, что это. Я же помню — рыжиковое масло. Был рынок, так называемый колхозный. На рынке мы покупали молоко.

” Зимой мы покупали молоко в мороженом виде, ни во что не завернутое, клали его в авоську. Молоко замораживали в литровых мисках обыкновенной формы.

Лед ведь когда замерзает, он вроде уменьшает немножко свой объем? Как-то вынимались, в общем. Этот кусок мороженого молока просто клали в авоську, ничем не завернутую, и просто несли домой по морозу. Дома это молоко оттаивало, но прежде чем дать ему оттаивать, с него соскребали ножом сливки, и эти сливки мороженые — на кусок черного хлеба. Белого хлеба не было в эвакуации. Я тосковал по белому хлебу, тосковал по пирожным. Как же, там вкус пирожных начал забывать. Черный хлеб был, картошка жареная. Временами, видимо, перепало и что-то мясное. На рынке можно было не только купить что-то, но и продать. Скажем, свой паек хлебный.

Теперь да, о пайке. Продукты мы получали первоначально по каким-то спискам. Карточек как таковых еще не было, карточек, которые упорядоченно выдаются на месяц, отрезаются талоны... Давали по спискам. Называлось это... Хлеб мы получали по кубикам. Что же такое кубики? Кубики — это кварталы, так их называли местные жители. Были составлены квартальные списки жителей, и по этим квартальным спискам получали хлеб, и когда ты получал хлеб, там ставил галочку, что ты его получил.

Ю.С.: Квартальный в смысле территории или в смысле времени?

Б.Р.: В смысле территории. По каждому кварталу составлялся список, в булочной, расположенной не обязательно в этом квартале, ты находил свой квартал, там был список фамилий, и тебе выдавали. А карточки как таковые с отрезными талонами появились, по-моему, уже к концу этого года или к началу следующего.

Теперь... Были еще остатки продуктов, накопившиеся до войны. Во время войны дефицитом стали все продовольственные товары, кроме пайковых. Кроме тех, которые по карточкам дают: хлеб, мыло, спички, сахар, масло растительное. А еще же есть всякие другие вещи, варенье... — этого нет. Так просто этого не получишь. А моя тетка поехала в командировку — она же была чиновницей сельскохозяйственной — поехала в командировку в Ханты-Мансийск. Дело в том, что тогда Омская область была гигантской, не меньше Красноярского края, в нее выходили национальные округа (сейчас они называются автономными) Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий. Они все входили в Омскую область. Потом появилась карта Омской области, которая висела у меня на стене. Ну не от пола до потолка, но достаточно высокая, не меньше двух метров. Все эти географические названия я знал. Особенно мне нравились названия ненецкие, и моя любимая река была Янця-пауте, которая была на севере, или Янця-пауте-яха. Я мысленно путешествовал по этой карте, по Ямалу и по всему... Тюменская область была маленькой тогда, а Омская область была огромной. В ней еще было раньше окружное деление, но деление на округа ликвидировали перед войной. Я этого не застал. И вот моя тетка, поскольку она уже работала, по-видимому, в Омском — как по-нынешнему сказать? — департаменте (тогда этого слова

не было) земледелия. Видимо, она была прикомандирована. Она поехала в Ханты-Мансийск на лошадях. На чем же еще тогда ехать? Железной дороги там нет. Так, по льду зимой, по льду Иртыша. Эти станции почтовые, видимо, сохранялись до середины XX века. Ведь все-таки наша страна не была полностью охвачена железными дорогами. У нас были огромные территории, где автомобиль пройти не мог. Она же где-то ночевала по дороге, значит, такие станции почтовые были. Она привезла оттуда банку варенья. Это было так интересно, напоминание о прежней жизни. Иногда какие-то продовольственные товары можно было купить.

Да, теперь еще одна интересная тема: жвачки.

” Все дети жуют жвачки. Я раньше такого не видел. Сибирь вся жвачку жует местного происхождения. Жвачки трех типов: черная, белая и коричневая.

Жвачки продаются в виде плиток, как стандартные конфеты. Сейчас, правда, конфеты бывают разные. Ну маленькая конфета такая. Они продаются на рынке, в банке с водой лежат плитки: белые, черные и коричневые. Коричневые жвачки редко были, а белые и черные, как правило, все время. Ну, видимо, они получались из разных деревьев, я не знаю, что это такое, вар или смола. Я никогда в Москве этого не видел, а там все дети жуют. Я первое время брезговал. Особенно мне было неприятно, что дети часто эти жвачки вынимают изо рта, куда-то прилепляют. А я был брезгливый очень, больше, чем сейчас. Я считал, что если что-то в рот попало, ни в коем случае нельзя вынимать и показывать. Так что в эту зиму я еще жвачку не жевал, в следующую уже начал жевать. Ну как эта жвачка жутая? Когда кладешь в рот в сухом виде её, сразу она превращается в неприятный порошок, но нужно быстрее жевать, смачивать слюной, и она становится пластичной, такой же, как нынешняя... Ну не совсем. И вот все жуют. А коричневая жвачка отличалась горьким вкусом и очень сильным запахом, у нее вкус смолы был откровенный. Может быть, она делалась из хвойных деревьев, а эта из смолы то ли березы, то ли осины. Ты видел такие штуки? Ну вот видишь, как интересно. Я рассказываю как будто о какой-то другой стране. Все жевали эти жвачки. На рынке они стоили рубль. Что тогда значило рубль? Мало что, но больше, чем сейчас. Может быть, даже столько, трудно сказать. Деньги нужны были чисто номинально. Когда мы получали паек в магазине, мы платили за него деньгами. А на рынке черном все стоило гораздо дороже. Можно было за 100 рублей купить буханку хлеба или продать свою пайковую. Однажды на рынке мы купили изумительную вещь, это была рыба стерлядь. Я в первый и, боюсь, что в последний раз в жизни ее попробовал. В общем, было вкусно: стерлядь. Иногда нам приходилось питаться в местных столовых в связи с переездами. Там были экзотические для нас сейчас продукты: куропатки и зайцы. Вся Сибирь была полна зайцами, куропатками, я и сам видел их там везде. Их просто сдавали в столовую и там ели. Иногда мы ели пирог с капустой. Уже потом, когда стало хуже со снабжением, давали по карточкам пирог с капустой, но это было надувательство, потому что там уже хлеба меньше.

Вот так прошла зима 1941/1942 года. Потом наступило хорошее лето 1942 года. В нашей школе был организован летний детский лагерь, чтобы дети без еды и без присмотра не оставались. Мы приходили в ту же самую школу, там нас кормили, были какие-то игры, и был мертвый час. В общем, я там был, по-моему, недолго, я долго там не задерживался. Видимо, пообедав, оттуда убежал, потому что, как я уже сказал, туалетом школьным я никогда не пользовался. Было какое-то облегчение моей маме, конечно, что меня кормили. Моя тетка Марфа иногда ходила на партийные собрания, какие-то конференции, где был буфет. И там, в буфете, иногда были пирожные, пирожки. Все это она приносила к нам в семью и делила между детьми. О своем общении с младшим братом в эту зиму мне даже нечего сказать, я почти ничего не помню, но в следующую зиму я кое-чего потом припомню.

<...> Лето 1942 года, полное лето, я провел в Омске. Потом еще что было? Видимо, я помню именно летний ландшафт. Была детская столовая. Это очень распространенное явление. Во время войны детей записывали в детскую столовую, где они раз в день получали полноценный обед. Но эта столовая была очень далеко от дома, километра два или три, может быть. Я шел в столовую один, пешком, а надо было

переходить по мосту через реку Омь, то есть это было в южной левобережной части города Омска, если считать по реке Омь. А что касается Иртыша, то на правом берегу Иртыша не было города Омска, а были только луга.

Зимой на реке Иртыш вырастал очень толстый лед, и его пилили, заготавливали на лето. Раньше же не было холодильников в нашем понимании, но были прекрасные ледники: помещения из льда, покрытые землей сверху, и там лед хранился все лето.

Ю.С.: А вы видели, как пилили?

Б.Р.: Конечно, я видел очень хорошо. Пилили на огромные параллелепипеды, может, они тонну весили. Пилы были механические. Я помню, в центре города это было. Дальше были зимой просто поля закрытые снегом, нельзя же застраивать пойменный берег, это сейчас застроили... Но это плохо кончится, наводнением каким-то.

Интересно, что во время пребывания в Омске, у меня была мечта о том, как в этом городе метро построят. Я как москвич, конечно, любил Московский метрополитен, и я желал, чтобы такое метро было и в других городах. И для Омска у меня был проект метро, очень рациональный, я считаю, лучше бы так они и сделали. Они именно городскую железнодорожную ветку используют. Она идет под открытым небом до самого центра города, до пристани в устье Оми, там, где Омь впадает в Иртыш, а дальше — по берегу, просто под открытым небом, на север города, где сейчас городок нефтяников. Это просто была бы электричка, которая бы вот так шла. Город же вытянут вдоль Иртыша, и зачем это под землей делать, как сейчас. Там скоро будет метро московского типа под землей. Ветку железнодорожную они давно ликвидировали и место, где она проходила, застроили.

Ю.С.: Борис Борисович, вы вот много там ходили, какое впечатление от города, вы не упомянули. Как город выглядел, люди как на улицах выглядели?

Б.Р.: За исключением центра, о центре сейчас отдельно скажу — кварталы односемейных деревянных домов. Улицы, кроме главных, не мощеные. Главные улицы, по которым и трамваи иногда ходят, вымощены булыжником. Одна из улиц была асфальтирована, которая вела далеко на север. В этой части города, кроме центрального ядра, тротуары были деревянные или отсутствовали. Деревянные тротуары сложены досочками продольными, не поперечными. Конечно, эти тротуары ветшали, и там, где они были сломаны, надо было с них сходить. И мальчишки иногда так шалили: под эти доски мальчишка залезал и просовывал бумажный рубль в щелочку, и в щель было видно, кто идет. Ну, если рубль на ниточке — это хуже. А вот когда мальчишка лежит, держит рубль за кончик, прохожий наклоняется, чтобы поднять, он тогда тащит. Вот деревянные тротуары. Они, кстати, полезнее для человека, потому что пружинят они, и нога не так изнашивается, и обувь. Об этом писал Борис Шергин, писатель архангельский, патриот архангельский. Но о деревянных тротуарах в Архангельске в свое время вспомним.

Обеды в детской столовой

Значит, я ходил в детскую столовую. Я приходил туда один, шел пешком долго, быстрым шагом. У меня даже литературный псевдоним — Олег Пешеходов, потому что я люблю пешком ходить, даже так, полубегом. Приходил туда. Там длинная очередь и долго надо было очередь отстоять. Надо было объединяться в четверки: за столом сажают четырех человек. И вот, в голове очереди стояли уже сформировавшиеся четверки, а в хвосте стояли ребята, которым четверок еще не хватало. И туда приглашали. Так что я становился не обязательно в хвост, а присоединялся к тем, которые меня брали в свою четверку, где не хватало еще одного человека. Потому что так просто в столовую не пускали по одному, а пускали по четыре человека. Потом нас сажали за стол, мы там нормально обедали.

На десерт если подавали пирожки или еще что-то, обычно несли домой, чтобы кого-то угостить или потом съесть.

Ю.С.: А хлеб был?

Б.Р.: Конечно, ну а как же? За обедом подавался нормальный хлеб, но я не думаю, что сколько хочешь, а сколько положено. Обед из всего состоял, как положено. Ну, советский русский обед, по моим понятиям, состоит из таких постоянных элементов: первое блюдо, нулевое — это крошево, то есть салат по-нынешнему. Это не обязательно, нулевое блюдо не обязательно. Второе обязательно. Первое блюдо — хлебово. Суп всегда пол-литра. Советский классический суп до середины XX века всегда был пол-литра. Неужели вы этого не помните?! Потом в столовых было введено полпорции. И все говорили: мне целую или полпорции.

Ю.С.: Это я помню.

Б.Р.: Так вот, полпорции — это 250 (грамм), маловато. И наконец, уже устоялась нынешняя, по-моему, примерно 0,3 литра. Вот это нормальный размер супа, который я сейчас дома ем. Сейчас я уже не могу себе представить, чтобы я съел супа пол-литра. А тогда всякий, не только взрослый, но и подросток, за исключением детей в детском саду, и школьники ели суп по пол-литра. Некоторые разновидности супа назывались борщ или щи.

Ю.С.: А третий элемент какой?

Б.Р.: Нулевое блюдо — это (я по-своему так называю) крошево, первое блюдо — хлебово, второе блюдо — месиво. Ну, это каша, котлета с кашей. Котлета большей частью из хлеба, но все-таки мясная котлета, или рыбная, или куриная. Конечно, она обязательно была, но она из хлеба состояла большей частью, но все-таки запах какого-то мяса. Каша или лапша, картофель, подливка. Боже мой, ну ты же все это прекрасно знаешь! И третье — это пойло. Это, как правило, компот из сухофруктов, может быть, из свежих. Из свежих — это хорошо. Вечером, на ужин, и утром был чай, а так — компот. Теперь что касается, пили ли мы кофе. Мы в советское время пили кофе среднего рода. Оно из цикория состояло, по-моему, на 80%, там была какая-то доля кофе, видимо без кофеина, обязательно с молоком. Что такое черный кофе, было мне неизвестно. Считалось, что это надо с молоком пить утром. Но ничего вкусного в этом нет. Чай был нормальный. Чая в СССР было три сорта или четыре: грузинский, краснодарский, цейлонский — редко, индийский, китайский. С чаем проблемы не было. Масло, как я уже сказал, было всякое. Лепешки пекли дома, видимо, получали муку по карточкам, дома пекли лепешки, оладьи. На масле этом экзотическом, на соевом, скорее всего. У нас иногда останавливались всякие проезжие. Они какими-то знакомыми были, что ли, или коллегами моей тетки по Наркомзему. Какая-то семья эвакуированных направлялась не куда-нибудь, а в Салехард. Они тоже у нас ночевали. Потом к нам как-то на постой прислали одного мужика. Дело было просто, администрация решала. Прислали, он у нас ночевал несколько дней, просто командированный, куда-то ехал по своим делам. И тут я впервые познакомился с вшами. Ты когда-нибудь вшей видел живых? Ну вот, я тоже. Но я скажу, на мне вшей не было. Блох, вшей не было на мне. Что касается клопов, то я с ними всю жизнь прожил, в том числе и в Москве до недавнего времени, а вот вшей не было. Но я видел вшей там. Меня мама позвала, когда этого мужика не было: «Иди посмотри — вши!»

” Я взял огромную лупу (у меня лупа была), смотрел, подсчитывал, сколько вшей на квадратном дециметре. Много, в общем. Я всегда был склонен к статистике.

Вернемся к лету, к походам в детскую столовую. На этой почве заводилось знакомство. Когда мы уже пообедали, мы часто возвращались вместе, потом расходились уже по местам жительства по дороге. Я в те дни, когда не надо было ходить в столовую (она же была не круглый год, прикрепили на месяц — и то слава богу, облегчение), я ходил в центр города читать газеты. Это было очень интересно. Дело в том,

что центр резко отличался от остальной части. Центр, центральное ядро города, которое было в диаметре около километра, оно отличалось резко. Во-первых, в здании, где был почтамт... Я ходил, как на праздник, в центр города. Я читал там газеты регулярно висащие, все газеты читал. Какие тогда были газеты: «Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда». Это я всё регулярно читал, следил, конечно, за военными действиями. Потом, я уже не помню, в деревне или тут, висела карта, на которой флажки ставили, по мере того как уже началось наступление Красной Армии. Мы ставили флажки на карте, отмечали. Так что я был в курсе всех военных действий в том виде, как их подавали нам тогдашние средства массовой информации. Я ходил на почтамт, прекрасное здание высокое, этажей пять. Внизу был почтамт, наверху что-то еще, наверх я не поднимался. Дальше там было очень много городских парков, не меньше семи. Все они были рядом, один в другой переходил. Хорошее старое здание МВД или ОГПУ, или как там назывался предшественник КГБ, как-то иначе...

Ю.С.: НКВД.

Б.Р.: Прекрасное здание НКВД. И потом центральная улица Ленина, бывшая Любинская, она была уставлена старинными дореволюционными домами в два-три этажа, очень красивыми. И там были роскошные, по моим понятиям, магазины. Я ходил туда смотреть на товары. Меня больше всего интересовал комиссионный магазин, в котором меня интересовали чертежные принадлежности. Готовальни там были, барометры, манометры, курительные приборы, письменные приборы из латуни, все это было так красиво! Я мог подолгу смотреть на эти товары, никто не гнал. Готовальни замечательные. Потом был магазин, где продавались географические карты. Это мы купили. Карты Омской области и карты Соединенных Штатов Америки, карта СССР, все это мы за гроши купили, и когда у меня только представилась возможность еще в деревне где-то повесить, я это вешал на стену. А если нельзя было вешать на стену — карты были многолистные, — то, не знаю, клеивали мы эти листы или нет, я просто на столе их стелил и по ним путешествовал, все эти географические названия я знал. Хотя карты были, к сожалению, по большей части политико-административные, поэтому, даже изучая Соединенные Штаты, я не представлял себе рельефа. Так что лето проходило неплохо в таких вот делах. Я в основном один был, в основном гулял. Гулял по этим паркам, никаких проблем там с хулиганством не было. Я не помню, чтобы я самостоятельно ездил на трамвае, не помню. Длинный трамвайный маршрут, который вел к нам, был отменен в связи с войной, он существовал только одну осень и зиму, а летом его уже не было. Так что я ходил пешком. До вокзала нет, я не доходил, потому что до вокзала было семь километров от центра. Значит, вот эти магазины, красивая улица, бывшая Любинская, улица Ленина, и по ней всегда было приятно пройти.

Ю.С.: Раненых, военных много было?

Б.Р.: Военных было много, но я же в госпиталь не заходил. Конечно, военных много было. Были военные на улице. У нас вообще всегда было повышенное количество военных на улице. Я могу вспомнить такой вот эпизод, это было в 1980-х годах, 1985-й, наверное, год, не позже, может, 1980-й. У моего коллеги Славы Шупера, который сейчас в Институте географии работает, тогда была какая-то француженка подруга. А может быть, я это рассказываю о другой девушке... В общем, она приехала в Москву в первый раз. Остановилась где-то в центре. Когда утром вышла, увидев столько военных на улице, она решила, что началась война. Это было в наше время, совсем недавно. Тогда это было обычно. Такого, чтобы пройти по улице и не встретить военного, командира, по-нынешнему офицера, такого, конечно, невозможно представить. Они были везде, хотя в тылу что им особо делать, я не знаю.

Значит, поход за газетой, чтение газеты, переживание её содержания, что там написано. Я очень много читал газет. Я стоял там (мы дома газет не получали), всё это в себя впитывал. Ты можешь себе представить: прочитать всю газету — это же много, почти как целую книгу. Так день проходил. И так прошло лето. И вот осенью, примерно в октябре или сентябре, мою тетку переводят в деревню, и мы все должны покинуть Омск и поехать в село Колосовка Омской области, которое расположено к северу, недалеко от города Тара. Мы покинули нашу эту квартиру, нас повезли на пристань, и мы сели на пароход. А пароход шел примерно сутки от Омска до Тары, может быть, километров триста было расстояние, опять же карты нет перед носом. И вот мы сели на пароход. А мы же с мамой имели большой опыт

путешествий по воде. Мы по всей Волге шли на пароходах, и по Днепру, и по Черному морю, так что маме это очень понравилось. Мы сели, значит, на теплоход. Пассажиров было мало. Пароход скорее, а может быть, теплоход, двухпалубный. Вдохнули немножко аромат прошлого. Хороший чистый ресторан-салон.

Б.Р.: Пароход колесный?

Ю.С.: Нет, не колесный, скорее винтовой. А вообще я не знаю, может, и колесный, но тогда я не обратил на это внимание. Колесные были обычно. Скорее всего, колесный. И вот мы сидим в салоне-ресторане, нам подают обед, суп с вермишелью. Просто вода, вермишель и, может быть, ложечка масла растительного. Ну как тогда люди питались? Дело в том, что по карточкам получали продукты, а когда ты ехал куда-то, тебе выдавали рейсовую карточку, и по ней ты отоваривался, получал пищу в дороге.

И вот мы утром приезжаем в сибирский город Тара.

На этом я сегодняшний рассказ заканчиваю.